

Владимир Паркаев

Вовка Панин

И

его друзья

Друзьям детства и юности,
безвременно ушедшим
и живым, посвящается

Часть первая

Об авторе

Владимир Паркаев родился в 1946 году в небольшой деревушке Маклауш под станцией Клявлино, что в Самарской области. В начале 50-х большая семья Паркаевых переехала в Новую Письмянку, которая скоро стала городом Лениногорском. В то

время вокруг полным ходом шло освоение знаменитого Ромашкинского месторождения нефти и глава семьи – Мирон Павлович стал работать на тракторном кране в одном из подразделений тогдашнего треста «Татбурнефть», где и проработал более сорока лет.

В 1963 году Владимир Паркаев поступает в Ростовское-на-Дону мореходное училище, после окончания которого в 1967 году, работает на судах Управления океанического рыболовства в Петропавловске-Камчатском. На больших траулерах рейсами по шесть и более месяцев судомеханик Паркаев среди приключений на рыбной ловле в северных и центральных широтах Тихого океана.

С 1975 года живёт и работает в городе Лениногорске. Автор ряда книг о приключениях Вовки Панина и его друзей.

Член Союза российских писателей

От автора

Что заставило взяться за перо и бумагу?.. Наверное, тот контраст, который чётко просматривается между сегодняшними подростками и молодыми ребятами и их ровесниками, что когда-то бегали на этих же улицах и на больших, зелёных полянах, где теперь асфальтом расчерчены кирпичные и бетонные кварталы.

Конечно, для теперешних 10 - 15-летних дистанция в тридцать, а то и в сорок лет – это целая вечность, ведь сюда можно уместить почти два поколения... Да, времена были другие. Мы тогда ничего не знали о магнитофонах, роке, телевизоре. В редкой семье по праздникам крутили патефон с пластинками Руслановой и Утёсова.

На танцы ребята чаще всего ходили уже после армии, до службы редко кто мог похвастать дружбой с девчонкой, а уж целоваться и вовсе.... Да и не было тогда это принято – всему своё время. А сегодня в ясельках детишки изучают друг у дружки самую интимную анатомию – какое уж там уважение, а тем более преклонение перед женщиной в будущем?..

Проблема отцов и детей.... На эту проблему с лёгкой (или тяжёлой?) руки классика валят теперь все огрехи в процессе становления человека.

«Дети и должны быть другими, чем мы... Они должны быть лучше нас...»

Кто же против? Пусть дети будут лучше нас, а их дети будут ещё лучше...

Да не было у нас проблемы отцов и детей!.. По крайней мере, в наших бараках. Если сказали отец или мать «надо», то у детей никогда не стоял вопрос: «Зачем?..» Иначе просто и незатейливо получишь звонкую оплеуху...

...«Чем же они занимались?» – хмыкнет какой-нибудь «супер», пуская жвачные пузыри, оглушая себя, заодно и окружающих, многоваттным плейером, и собираясь вечером на дискотеку. А перед дискотекой надо обязательно поймать кайф, собравшись в протухшем подвале с такими же суперками из соседних подъездов. В Лениногорске уже есть на учёте наркоманы и токсикоманы (что там ещё?..) моложе десяти лет!..

А поймав кайф, надо же дальше веселиться. Что значит веселье по-современному?.. Это значит перевернуть пяток-другой урн и скамеек в ближнем скверике, разбить фонари, которые светят не по делу, наконец, набить морду одинокому прохожему, а потом, захлёбываясь, рассказывать восторженным подружкам – кто сколько раз и куда успел пнуть обнаглевшего хмыря, не давшего закурить.... Да мало ли что можно придумать в угоду единственной прямой, разделяющей мозговые полушария.

И все-таки мне жаль сегодняшних пацанов. Всё их детство (а есть ли оно у них?..) проходит во дворах рядом с мусорными баками, в протухших подвалах, в обшарпанных и заплёванных подъездах.... В общем, «асфальтовые» дети. Может они и не совсем сами виноваты в этом, ведь вокруг Лениногорска всё меньше девственных полей, нет и оврагов с чистыми ручьями и родниками на дне, где можно было вершить свои мальчишеские дела.

Кругом всё выровнено, засеяно, заасфальтировано. Да и так трудно оторваться от телика и видика, чтобы пешим порядком дойти до пока ещё со-

хранившихся ближних и дальних лесов, а уж о рыбалке!.. Спросите у 10-12 - летнего: есть ли у него хоть что-то из рыболовных снастей?..

Нынешнее подрастающее поколение (ничего другого не могу подобрать для определения современных суперов) книг, а тем более газет и журналов не читает. Уверен, именно поэтому совсем недавно на одном из Российских совещаний, посвященных предстоящему учебному году, прозвучало: «...Теперешние хорошисты по уровню знаний далеко отстают от, так называемых, педагогически запущенных детей времён застоя...»

Любой автор сочиняет и пишет свои произведения для людей, которые, как он надеется, будут его читать. А мне очень трудно себя убедить в том, что те, кому адресованы мои рассказы, когда-нибудь их прочитают. Но в них-то я как раз и пишу о том, чем же мы занимались, не имея магнитофонов, теликов, видиков и прочих дискотек.

Крепкие дубки и стройные берёзки с птичьими перепевками были нам вместо теликов и видиков. Чистые и звонкие родники и речки вместо магнитофонов и плэйеров. Грозный укрепрайон и снежные крепости вместо дискотек.

Герои этих рассказов давно сами стали отцами, а некоторые даже молодыми дедушками, но когда разговор заходит о детстве, то они безоговорочно утверждают, что детство наше было во сто крат интереснее, чем у теперешнего, вконец «раскованного» молодого поколения...

В то время школьная детвора распевала на утренниках и пионерских сборах:

*-За детство счастливое наше
-Спасибо, родная страна...*

Наверное, и правда где-то можно было сказать стране спасибо, например, в Артеке или на новогодней кремлёвской ёлке, но мы своё, настоящему счастливое, детство строили сами...

Правда, все наши почти настоящие войны, казаки-разбойники, рыбалки и просто походы по родным краям, были возможны только после того, как напилены и нарублены дрова, принесена вода для кухонных забот матери, закончена работа с отцом в небольшой сараюшке...

Нет, я не зову назад в бараки, назад к пружинным патефонам, наконец, назад к удобствам в дальнем углу двора... Но, к моему глубокому сожалению, приходится сознавать и мириться с тем, что люди от поколения к поколению с ужасающей прогрессией всё чаще и чаще замыкают свои интересы на грудах барахла, уходя всё дальше и дальше не только от своей природы, но и порывая всякие изначально добрые связи между собой, заменяя их стяжательством, хамством, а порой и бессмысленной злобой.

И всё-таки я уверен, что ещё многие из тех ребят, да и взрослых, кто всё же прочитает эту книгу, нестерпимо захочет хотя бы на короткий миг очутиться среди Вовкиных друзей, будь то во время горячей битвы за освобождение заложника или при штурме снежной крепости, за дружеским костром в укрепрайоне, или ночью в уютном шалаше на берегу говорливой речки Шешмы...

Многим захочется вплотную подружиться с никогда неунывающим спорщиком Васькой Живаленко, с не по годам рассудительным Шуркой Иванчиным, бесшабашными братьями Венедиктовыми, ведущими конструкторами Алькой Арслановым и Васькой Красновым...

За боями был мир Байрак

Давно наступили летние каникулы. Кругом солнце и тепло вперемешку с ветром и привольем. Но сегодня Вовка на улицу не спешил. Управившись с крупными и мелкими делами по дому, он в раскоряку нагнулся над массивной, тяжелой табуреткой и выпиливал лобзиком из толстой фанеры разнообразные пистолетные детали. В последнее время лобзик стал повальным увлечением для умелых рук всех пацанов подряд.

С его помощью можно было из фанеры или плотного картона выпилить всё, что надо – от силуэта бабочки до сложнейшей модели самолёта и судна. Вовка бабочками не увлекался. В его интересах всегда было оружие, чьи образцы он моделировал из толстеного «Пособия для допризывника». Эту книгу изучал старший брат Генка, который готовился к службе в армии.

Вдруг раздался глухой, утробный свист, одновременно похожий на звук пионерского горна и мычание коровы – так свистеть мог только Васёк Живаленко, сложив ладони лодочкой и дующ в них изо всех сил. Вовка высунулся в широко полетному открытое окно.

-Там Байрак плахинский с утра пораньше по нашему штабу шляется, есть шанец окружить и взять в плен!.. Я целый час за ним следил...

Предложение было дельным, решение созрело мгновенно:

-Я за Шуркой и к Витьке Венедиктову, а ты собирай остальных пацанов...

Детали операции были уточнены быстро. Шурка Иванчин, братья Венедиктовы, Толька Пименов и ещё трое панинцев заняли оконные и дверные проёмы строящейся столовой на территории будущего базара, а Вовка с Васькой составили группу захвата.

На первом этаже здания никого не было, но Васёк молча кивнул на чердак, который и был штабом команды. Панинцы забирались на чердак по приставленной доске, убирая её в своё отсутствие. Сейчас доска была в рабочем положении. Поднявшись, командиры увидели Байрака, который на большом листе фанеры быстро писал мелом оскорбительные для Вовки и его команды слова. Байрак был заместителем командира плахинского отряда, и его пленение стало делом чести.

-Попался! – одновременно закричали Вовка с Васькой, кинувшись на лазутчика.

Почувяв, что время его сочтено, Байрак заметался по чердаку, не забыв пнуть куском мела в наступавших. Спасаясь от захвата, он заскочил на лист шифера, который прикрывал второй чердачный люк, раздался треск, и шпион с воплем упал на кучу мусора внизу. Через минуту всё было кончено. Байрака снова подняли на чердак, где он был подвергнут допросу.

-Где остальная команда? – строго и сурово начал допрос Вовка.

Байрак гордо молчал.

-Говори, а то поздно будет, - добавил Васёк, красноречиво хлопая себя по голени крепкой драгиной.

-Ясно где... дома все, - выдавил, наконец, Байрак, так как братья Венедиктовы не спеша отпускали пленному тихие затрещины.

-Какое у тебя звание? – продолжал Вовка, хотя и без того знал, что Байрак является первым заместителем атамана Плахина.

Пленный молча упёрся глазами в чердачный пол. Вдруг он швыркнул губами, и Вовка еле успел увернуться от смачного плевка.

-Ах ты, герой! – взревели Венедиктовы и, бросив Байрака, схватились за увесистые палки.

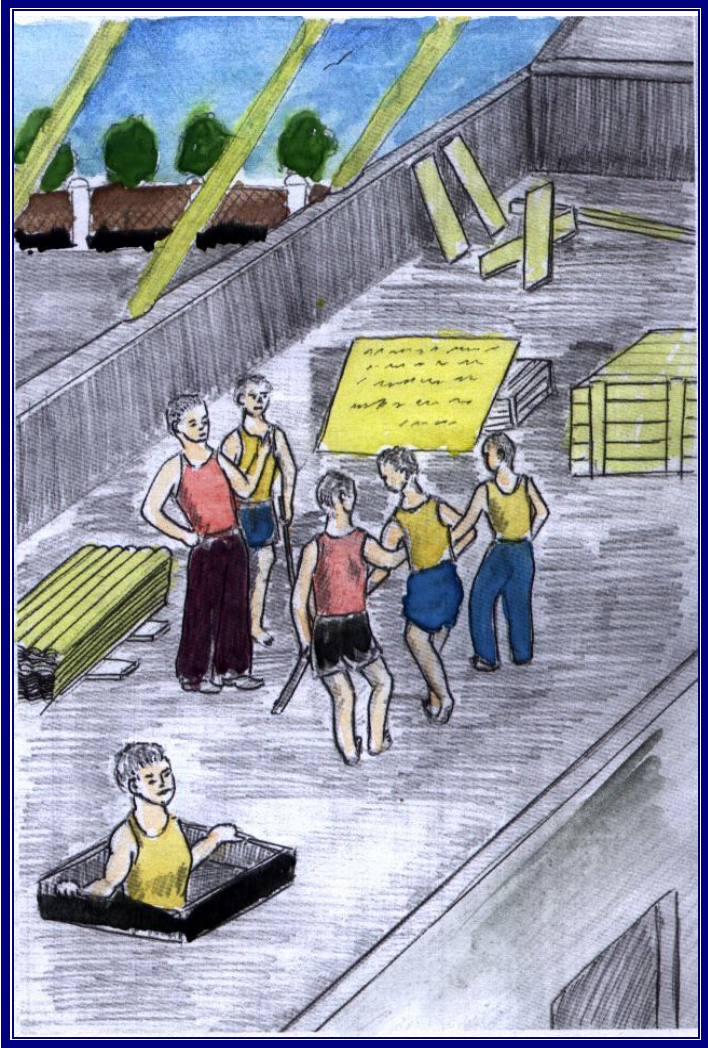
Поняв, что переборщил, лазутчик бухнулся на кучу опилок.

-Лежачего не бьют!..

-Снимай майку!.. Быстро! – скомандовал Вовка. –А теперь вытирай! – кивнул он на фанеру.

Когда фанера стала чистой, Байрак под Вовкину диктовку написал: «Я никогда больше не буду воевать против команды Вовки Панина. Байрак».

-А теперь дуй на все четыре стороны, - махнул Вовка.

Понятливый Байрак не заставил себя долго ждать, быстро соскользнул вниз по доске и засверкал чёрными пятками в сторону своих барачков, размахивая зажатой в руке грязной майкой.

Зеленогорск

Посёлок нефтяников начал строиться совсем недавно. Он уютно расположился в широкой долине между высокими, зелёными холмами. Холмы эти казались настолько высокими и крутыми, что все здесь называли их горами, да и в самом названии посёлка кто-то точно определил - Зелёные горы.

Горы почти сплошь покрыты лесами и ковыльными полями. Леса полны всякой живности, полны птичьими песнями, полны журчанием чистейших родников.

В основном посёлок состоит из добротных барачков, стоящих строго по линейке вдоль двух широких и прямых улиц, одна из которых почему-то называется Донской. Может, первые поселенцы на ней были с той далёкой реки... здесь и жили почти все пацаны из Вовкиной команды.

Улица, спускаясь по длинному склону, пересекает большой ручей и упирается в подошву одной из гор. Эта гора знаменита тем, что на её плоской вершине раскинут стадион с рядами низких, дощатых скамеек. На этом стадионе каждое воскресенье выясняют отношения нефтяники, гоня мяч и забивая иногда голы под шумное одобрение или огорчение болельщиков.

Под стадионом разбросаны маленькие сборные домики, которые все здесь почему-то называют «финскими». Вокруг этих домиков огороды и всякие постройки. Именно отсюда пошёл Зеленогорск, потому и называются эти домики Первым посёлком. Здесь когда-то поставили свои палатки и вагончики первые нефтеразведчики, бурильщики и добытчики «чёрного золота».

Зеленогорск с обеих сторон обнимают два больших ручья, которые попеременно то выходят на поляны, то прячутся в глубоких, тёмных оврагах. Центром посёлка пока считается большой клуб имени Владимира Маяковского - великого пролетарского поэта. К клубу почти примыкает огромная, как степь поляна. Она тянется, разрезаемая оврагами и овражками до селеньица с названием Камышла, и дальше в сторону Ромашкино, где совсем недавно забил первый мощ-

ный нефтяной фонтан. На поляне, как и в окружающих лесах, много родников, буйно заросших ивовым кустарником.

И грянул бой...

...В панинском штабе разрабатывали планы предстоящих операций, когда Серёга Венедиктов, стоящий наблюдателем, поднял тревогу. Подбежавший к чердачной стене Вовка, увидел коварство недавнего пленника Байрака в действии: со стороны магазина короткими перебежками двигались плахинцы во главе с атаманом. Их поддерживали два взрослых парня, что было против всяких правил ведения военных операций...

Силы были слишком неравны, даже если учесть закон наступательного боя, по которому из наступавших погибает четверо против одного из обороны. Вовкина команда в этот момент была далеко не в полном составе, поэтому без боя и лишней паники покинула штаб и сосредоточилась в расположении своих бараков.

Поддерживаемые взрослыми парнями, плахинцы заняли столовую и в упоении победы стали громить ящики, служившие штабной мебелью. Увидев лист фанеры с байраковской распиской, Витька Плахин жёстко глянул на своего заместителя:

-Ты что это - предал, значит?..

-Тут не захочешь – напишешь, - шмыгнул носом Байрак. – Шея до сих пор трещит...

Но и другие пацаны тоже неодобрительно цвиркали сквозь дырки в зубах.

-Ну, что с ним будем делать? – оглядел атаман братву.

-Да ладно... если бы не он, мы сегодня навряд ли заняли панинский штаб, - загалдели одни.

-А кто его сюда посылал?.. И что он тут делал? – резонно ставили вопрос другие.

-Хватит!.. Сделаем так: моим заместителем теперь будет Тагир, - ткнул атаман пальцем в чернявого крепыша. – А ты пока будешь как все...

Несправедливо обиженный и разжалованный Байрак молча стёр свою расписку и понуро уселся на один из ящиков в тёмном углу...

К этому времени разведка доложила панинскому командованию, что парни ушли, и что атаман с ватагой продолжают праздновать победу на чердаке. По приказу коман-

дира братья Венедиктовы сбежали к «пожарникам» – так звали ребят, живших возле пожарной части.

Их было немного, но они были крепко дружны между собой и часто присоединялись к Вовкиной команде, хотя в основном её составе не числились. Командовал ими Алька Арсланов – сын боевого лётчика и Вовкин одноклассник. Были собраны по тревожному сигналу и остальные панинцы, каждый из которых тут же получал свою задачу.

Скоро столовая была окружена во второй раз за день. Васёк с Шуркой, прикрываясь фанерными щитами под градом камней, бившем из чердачных люков, сумели подобраться и сбросить доски-трапы вниз. Путь к отступлению плахинцам был отрезан. Но на предложение сдаться осаждённые отвели гордым отказом, выставив навстречу парламентам исцарапанные кукиши...

И грянул бой. Часть панинцев во главе с командиром забралась на крышу дома колхозников, и оттуда посыпался град камней по чердаку с бывшим штабом. Другая группа панинцев была без передыха снизу.

Плахинцы отвечали, умело используя своё высотное преимущество. Бой затягивался. Вовка принял решение собрать военный совет...

Барак

Родители Вовки Панина перебрались в Зеленогорск из соседней Куйбышевской области в то время, когда здесь только начиналась большая татарская нефть, когда кругом гудели разные трактора, машины, звенели пилы, стучали топоры. У Вовки были ещё два брата и сестра, поэтому они заселились не просто в комнату, как большинство переселенцев, а в настоящую квартиру большого барака, состоящую из комнаты и кухни.

Комната освещается широким окном, в ней стоит печь – голландка, которую топят только с наступлением зимних холодов. В одном из углов подпольный лаз, где хранятся картошка и заквашенная капуста. Огородов и, тем более, садовых участков, население бараков пока не имеет – их ещё в Зеленогорске не придумали.

Мебели и других вещей немного. В комнате стоят две кровати, в которых попарно спят Вовка со старшим братом и совсем маленькие братишка и сестрёнка. Уроки старшие готовят на большом круглом столе, а хозяйство младших

располагается под столом и кроватями. Вся одежда большой семьи размещается в высоком шкафу и на вешалках по одной в комнате и кухне.

Кухня, кроме своего прямого назначения, служит и столовой, и прихожей, и кладовкой для запасов, и даже... спальней для родителей. Высокая кровать стоит вдоль одной из стен, а к другой придвинуты стол для еды и готовки, за ним широкая лавка с двумя большими вёдрами для воды.

Здесь с раннего утра и до позднего вечера командует мать. На плите постоянно шипят и булькают кастрюли, чайники, чугунки. В вёдрах мать готовит варево для поросят и поило для коровы. Вовкины родители всегда держали этих очень полезных для всей семьи животных, без помощи которых прожить было ещё очень трудно. А домашняя живность для отца и матери – бывших колхозников, была привычным делом, да и подрастающая детвора помогала кто как может.

В бараке, разделенным на две половины длинным коридором, живёт шестнадцать семей. И в каждой по трое, а то и по четверо мальцов разного калибра. В зимнее время коридор с утра до вечера превращается в арену гладиаторских боёв и спортивных баталлий. Из конца в конец с казачьим гиканьем мчатся велосипедисты на трёхколёсных велосипедах, бегают на своих двоих, а тут кто-то кого-то поборол наповал, а вот уже и рёв какого-нибудь отчаянного сорвиголовы, грохнувшегося на всём скаку об пол или в стену.

А там, заткнув рот пустышкой, сидит на горшке будущая красавица Алёна, и рядом бутуз Андрейка – тоже на горшке. Они сосредоточенно пялятся в стену, иногда взглядывают друг на друга и продолжают своё важное дело.

С наступлением весеннего тепла коридор барака пустел. Там оставались лупить глазами на своих горшках только самые маленькие, а те, кто уже мог пробежать метров десять, ни разу не упав, спускались с высокого крыльца и рассредоточивались кучками – по возрасту вдоль солнечной стороны. Отцы на огромных машинах привозили прогретый песок, и малышня вкруговую облепляла многочисленные кучи.

Вовка сам был из пацанов послевоенного образца. И неправильно, наверное, говорят, что больше мальчишек нарождается к войне. Наоборот, пацанов больше получается после войны, и чем она кровавее и тяжелее, тем их больше. Почти во всех семьях в первые послевоенные годы на одну сестрёнку приходилось по два, а то и по три братишки. Так

что таких, как Вовка, во всех барачных дворах было великое множество.

Несмышлёное дошкольное детство скоро кончилось, и потянулась учёба. В Зеленогорске знали, что первоклашек в этом году будет много, и успели к первому звонку построить замечательную школу, которая ещё долго оставалась самым большим зданием в посёлке. Вместе с Вовкой в первый класс пошли Васёк Живаленко, Шурка Иванчин, Витёк Венедиктов, с которыми он сдружился сразу по приезду в Зеленогорск, тем более, что жили они все в одном бараке.

В этом же классе стали учиться их одноклассники из других близлежащих барачных дворов, которые постепенно и составили ядро Вовкиной команды.

Школьная толчея быстро расширила кругозор Вовки и его друзей. Со временем они узнали, что рядом, в соседних барачных кварталах вниз по улице Донской, сформировалась другая команда, атаманом которой стал Витька Плахин. Некоторые из ватаги атамана учились также вместе с Вовкой, но в большинстве они были рассредоточены по другим классам.

Конечно же, абсолютно мирное соседство двух команд на сопредельных территориях быть не могло и скоро, без какого-то особого объявления войны, ареной боевых действий стала просторная строительная площадка будущего базара. Строительство базара почему-то шло медленно, с большими перерывами, что и позволяло обеим командам беспрепятственно шастать по стройке, особенно по выходным и всяким проходным...

Вовкина команда устроила свой штаб на чердаке будущей столовой, а плахинцы по своему географическому положению заняли строящийся магазин, стоящий в противоположном углу базарной площади. Оба этих объекта были и все заморожены чуть ли не на все времена.

Осенью и зимой было не до того, чтобы воевать за насквозь простывшие кирпичные кладки, да и учёба в одной школе не располагала к непримиримости. Боевые действия неизвестно как и когда начавшейся войны продолжались почти сразу же с началом летних каникул. Камнем преткновения, после официального объявления о конце школьного перемирия, становились дом колхозника и огромный павильон, которые строились как раз между расположением двух команд. Их поочерёдно, в зависимости от военной удачи, занимали то панинцы, то плахинцы.

Подъёмник

-Скоро все камни на чердак побросаем, а толку мало, - начал командир военный совет. – Что будем делать?..

-У нас Тольке Пименову пробило голову до крови, - доложил Шурка, командовавший оцеплением столовой. – И Витька Шакмаков хотел по колонне до чердака добраться и с самого верха сорвался. Живот и ногу расцарапал до крови, но домой оба идти не хотят...

-Пусть остаются, только больше куда не надо не лезут...

-А зачем Витька на колонну полез?.. Так можно и на стенку залезть – вот и поранился зазря, - раскритиковал Васька Живаленко потери в Шуркиной группе.

-Конечно, зря Витька полез. Штурмом в лоб штаб не взять, - вслух задумался Вовка. – Вот если бы с боков залезть на крышу, то оттуда можно было бы их достать. Но таких длинных досок у нас нет...

-А я недавно видел, как на крышу подъёмником шифер поднимали, - восторженно Васёк. – Что, если на нём попробовать наверх?..

-Со стороны подъёмника крыши нет. Они тебя сразу заметят и размолотят, - высказался Шурка.

-Надо будет их отвлечь... всем напасть с этой стороны, - продолжал развивать свою идею Васёк, – а я наберу на площадку камней побольше, вы меня поднимите над крышей, и сверху я им устрою весёлую жизнь...

-А включить сумеем? – повернулся Вовка к Альке Арсланову.

-Если на рубильнике есть питание, то сумеем, а если нет, то надо думать что-то другое, - ответил Алька, признанный авторитет в технических вопросах.

-Попробуем подъёмник, - решил Вовка. – А ты, Шурка, давай всех из своего оцепления на эту сторону. Пусть пока ждут внизу, а с той стороны оставь только наблюдателей.

Пока шёл военный совет, неприятель тоже не принимал никаких активных действий. Иногда с чердака кричали:

-Володей, Володей – полна валенка соплей!...

На что Володей, он же Вовка Панин, не обращал никакого внимания.

Противник, конечно, заметил передвижения панинцев между столовой и домом колхозника, и весь вылупился через чердачные проёмы недостроенной крыши. Тем временем

Васёк и Алька, сделав большой крюк, подобрались незамеченными к подъёмнику, стоящему в тылу обороны плахинцев. Алька осторожно исследовал рубильник и убедился, что напряжение есть. Стараясь не делать лишнего шума, аккуратно сложили на площадку подъёмника побольше камней.

Когда наблюдатели дали условный сигнал о том, что группа высотного десанта готова к действию, Вовка объявил всеобщий штурм. Одновременно с крыши дома колхозника и снизу был открыт ураганный огонь из всех калибров. Васёк вскочил на площадку, Алька тронул рубильник...

Плахинцы не сразу поняли, что у них заскрежетало сзади, а когда поняли, то Васёк был уже намного выше чердака – почти вне зоны досягаемости. Со стороны подъёмника кровли не было, и Васёке как на ладони открылись растерявшиеся плахинцы.

Закипела работа. Плахинцы заметались по чердаку, не в состоянии дать отпор, так как площадка и передний щит надёжно закрывали Ваську от ударов снизу. Залетавшие в чердачные проёмы камни тоже делали своё дело. Без досок – трапов путь к отступлению был отрезан, но плахинцы белый флаг не выкидывали.

- Отступаем! – крикнул атаман и первым подал пример, прыгнув в тот самый люк, в который незадолго до этого провалился Байрак. Остальные десятка полтора героев обороны, украшенные синяками и шишками, посыпались за ним. Разорвав панинское кольцо наблюдения, плахинцы устремились вниз по улице по направлению к своим баракам...

Так закончился один из эпизодов очередной летней кампании.

Васёк Живаленко

Главным оружием в битвах, которые порой были и кровавыми, служили камни. Камнями назывались осколки черепицы, шифера, обломки кирпича и песчаника, в изобилии усеявших территорию базара. При всей кажущейся опасности и даже жестокости этой войны с применением такого оружия, как камни, не было случаев каких-либо серьёзных травм с участниками боёв

Иногда осколок черепицы или песчаника попадал в голову бойца, от чего могла быть и кровь. Это называлось «пробить голову», хотя самое большее, что получалось – это ссадина или шишка. Вовка сам по несколько раз за каждую

летнюю военную кампанию получал такие ранения, чем несказанно гордился, так как это давало право носить повязку «как у Щорса». Бойцы хвалились своими заслуженными ранами и старались не снимать повязки как можно дольше.

Особенно счастливым в этом отношении был Васёк Живаленко, который наравне с Шуркой Иванчиным стал Вовкиным заместителем, а всего в команде числилось до двадцати пацанов разных возрастов.

Сам Вовка был почти на голову ниже своих сверстников и слабее физически, но его признали командиром за неистощимую выдумку и знание военных вопросов, которые он постоянно черпал из того же «Пособия для допризывника».

Веснушчатый больше всех остальных пацанов вместе взятых, Васёк был вездесущ. Его родители почему-то крупную живность, которую надо было каждый день пасти, не держали, и на этот счёт у него было гораздо больше свободного времени, чем, скажем, у Вовки или Шурки.

Отец Васьки работал крановщиком на железной дороге. Он увлекался радиоделом и всё свободное время спаивал и свинчивал россыпи радиодеталей и сам больше всех удивлялся, если из картонного цилиндра, опутанного проволокой, удавалось при помощи чайной ложки или гвоздя извлечь последние известия или разудалую музыку.

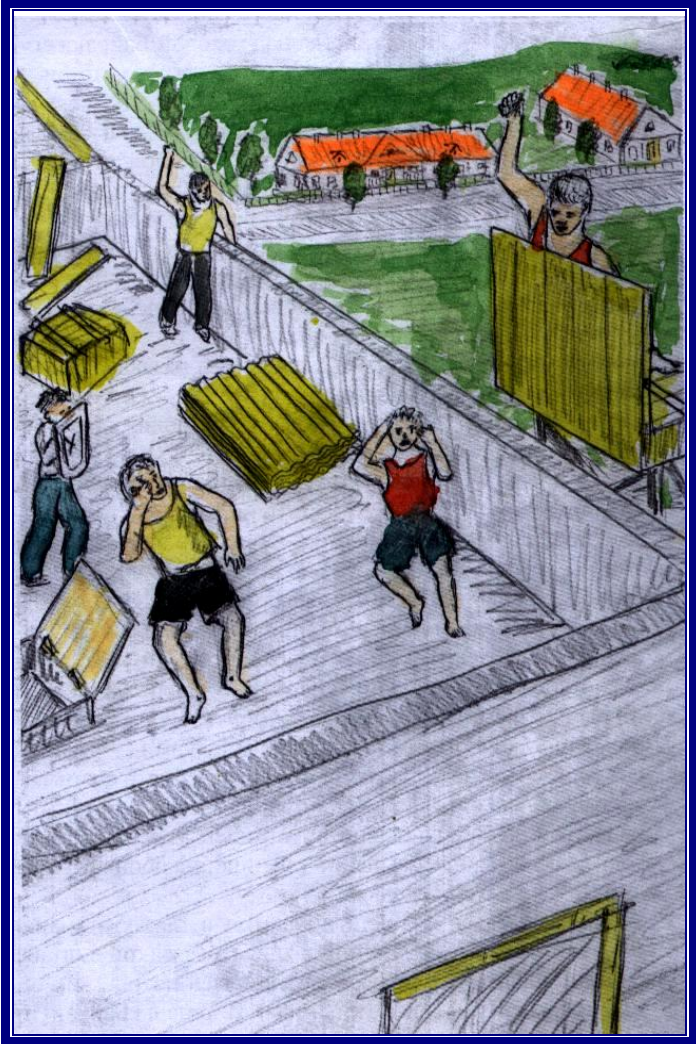
Увлечённость отца и безграничная мягкость матери позволяли Ваське больше других шнырять по двору и улицам, больше видеть и находить, чем другие...

Плахинцы

Барак плахинской дружины зеркально копировали расположение панинских барачков, но только под прямым углом. Сам Плахин – чуть выше среднего пацанского роста, очень крепко сбитый, светлоголовый мальчишка, пользовался непререкаемым авторитетом у своих (да и не только своих) за силу и ловкость. Смелости и лихости, порой совсем неоправданной, ему тоже было не занимать.

Первым заместителем атамана до случая в панинском штабе на чердаке столовой был Байрак, который всем своим образом действий и мыслей являлся точной копией Васьки Живаленко, но внешне он своей смуглой костлявостью резко отличался от конопатого крепыша Васьки.

Тагир – третий наиболее известный плахинец, был чернее тучи. В силе и ловкости он не уступал даже атаману,

но никогда не выпячивался и не задибался. Тагир редко улыбался и почти никогда не смеялся. Мог часами сидеть среди пацанов и не проронить ни слова. Тем не менее, всегда чувствовалось, что Тагир играет далеко не последнюю роль в делах дружины. Не зря, когда над головой Байрака сгустились тучи, заместителем атамана стал именно он – Тагир...

«Кулацкий» посёлок, приткнувшийся к берегу второго ручья, огибавшего Зеленогорск с противоположной от улицы Донской стороны, стонал от набегов плахинцев на сады и огороды, окружавшие финские домики, в которых жили самые первые нефтяники и большое начальство. Не оставляли плахинцы без внимания и огороды в Первом посёлке. От лихих и дерзких операций под руководством Витьки Плахина не спасали ни высокие заборы, ни даже сторожевые псы, с которыми Витька всегда каким-то образом мог ладить.

Как истинные робингуды, плахинцы раздавали витаминную зелень направо и налево своей и чужой малышне, но делать это было опасно, так как родители могли допытаться, откуда у голопуза огурец или яблоко, а там и до головомойки недалеко. Поэтому за малышней присматривали, чтобы вещественные доказательства уничтожались на месте – тут же возле юрт, в которых базировались плахинцы.

Речка Безымянка выбрала свое русло вдоль Донской, и плахинцы обозначили свои владения ниже по течению. Им повезло больше панинцев, так как в их зоне находились остатки двух заброшенных юрт. Юрты, как и положено, были круглыми и накрыты конусной кровлей. Они сплошь состояли из жердей и дранок, засыпанных шлаком и обитых изнутри фанерой. Снаружи юрты были покрыты остатками сухой штукатурки. В юртах вместо окон и дверей зияли дыры, но это вполне даже устраивало атамана и его команду. Отсюда они устраивали набеги на позиции панинцев, укрепрайон которых расположился выше по течению речки, на обоих берегах широкого и глубокого оврага.

Байрак давно мечтал реабилитироваться в глазах атамана и всей команды, но ему пока не везло. Он до сих пор в душе не был согласен с атаманом за то, что тот не оценил его инициативу с разведкой в штабе панинцев, которая, правда, закончилась не совсем так, как планировал бывший заместитель атамана. И теперь Байрак то и дело выдавал новые идеи.

-Витёк, а давай мы нападём на них по речке сверху – получится как бы в тыл и они не успеют очухаться, - предлагает он атаману.

-А часовый ихние?.. Или опять предложишь парней просить за нас воевать... так у них тоже старшие братья есть, да и нечестно воевать не своими силами...

-А если просто - взять, да ночью погром устроить, - не унимается Байрак.

-Они же наши юрты не трогают по ночам да и днём, когда нас не бывает, так что придумай что-нибудь другое.

Байрак молча соглашается с атаманом, но мечта о славе, о победе не оставляет его ни днём, ни ночью...

Укрепрайон

Когда строительство базара, наконец, закончилось, театр военных действий переместился на овражистые берега большого безымянного ручья, который все, даже взрослые, называли просто речкой. Речка брала своё начало из двух больших родников, пробившихся из-под возвышенной поляны, на которой семейными кучками зеленел кустарниковый орешник вперемешку с молодыми дубками.

По пути до расположения панинских позиций и ниже, речка пополнялась ещё многими родниками и родничками. Уходила она мимо плахинских юрт в сторону Первого посёлка, там сливалась со вторым большим ручьём и ещё многими ручьями и так до Зая, а уж потом, через Каму и Волгу, и вовсе в Каспийское море.

Крутой берег речки резко переходил в большой и плоский пустырь, покрытый густой и ровной травой. Там, где нет травы, расчерчены площадки для игры в городки и клёк. Поляна и окружавшие её овраги с овражками годились и для игры в казаки-разбойники или просто в прятки.

Поэтому пустырь никогда не пустовал. Целыми днями на пустыре-поляне и вокруг неё шумел звонкий ребячий гомон, летали городошные биты, иногда вчистую выметая с кона всевозможные фигуры.

Едва ли не через каждые десяток-другой шагов по течению речки из-под овражного берега выбивали маленькие и чуть побольше роднички, которые бережно обустроивались ребятами обрезками труб и кирпичами из соседнихстроек. Воду пробовали из всех родников, пытались определить, в котором она вкуснее, иногда и впрямь казалось, что в этом роднике вода вкуснее, чем в других.

Ближе к оврагу от улицы Донской, напротив пустыря, совсем недавно выстроили рядок небольших сборно-щитовых

финских домиков. В одном из таких домов недавно стали жить братья Венедиктовы с матерью, а через дом от них и Шурка Иванчин с родителями, братом и старшей сестрой.

А новую коротенькую улочку стали называть Овражной – по имени панинского оврага...

Но за мирными делами и забавами панинцы не забывали о Витьке Плахине и его дружине. Вовкина команда, готовясь к военным действиям, возводила по обеим берегам речки основательные фортификационные сооружения. Бойцы рыли глубокие траншеи и землянки с подземными ходами, кругом угрожающе стояли гаубицы и зенитки, сколоченные из сломанных телег, брёвен и труб-стволов.

Под руководством Вовки и «Пособия для допризывника» команда старательно выпиливала из досок личное оружие: автоматы, винтовки, пистолеты, мечи и кинжалы, которыми были украшены все стены в землянках.

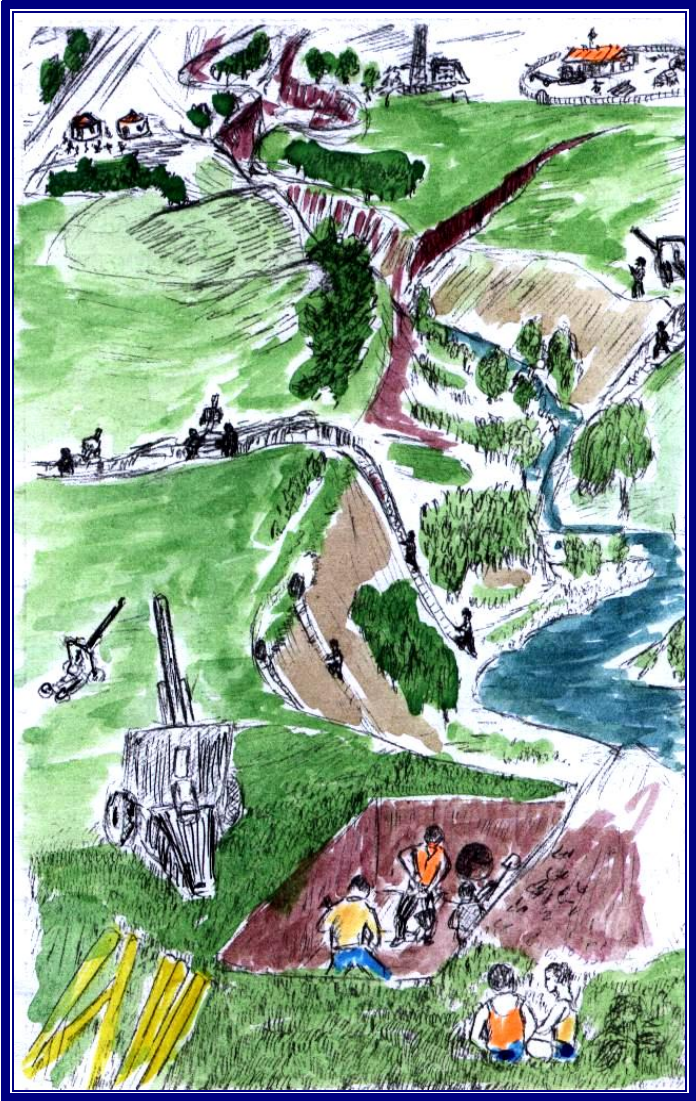
Во время военных действий на речке плахинцам не удавалось в открытом бою захватить укрепрайон панинцев, и тогда они стали называть себя партизанами, приняв на вооружение тактику внезапного удара. Выждав, когда панинцы расходились со своих позиций по другим делам или просто перекусить, партизаны нападали на землянки, рушили их кровли, но всё же больших погромов не вытворяли, чтобы было с чем воевать дальше.

Обозлённые панинцы иногда оставляли засады возле своих землянок, ловили плахинских партизан – диверсантов, давали им по паре тумачков, после которых заставляли подравнять какой-нибудь окоп или натаскать земли с песком куда положено, а потом отпускали. Громить пустые плахинские юрты с дырами вместо окон и дверей панинцы тоже не хотели, а взять их приступом, когда атаман и его дружина занимали круговую оборону, у Вовкиной команды тоже не получалось.

Выдохшись после очередного боя, обе команды переключались обидными словами, а потом считали потери в виде ссадин и шишек в расположении своих позиций.

Оборона укрепрайона

Тем временем в школе, и опять же ближе к весне, дело дошло до «Истории Древней Руси», одной из главных вех которой стала Куликовская битва. Вовка раз за разом перечитывал страницы из учебника с описанием татаро-монгольского

нашествия, про героическую оборону Рязани, про «злой город» Козельск и, наконец, про Куликовскую битву, положившую начало концу ненавистного ига. Вовка представлял себе богатыря Пересвета, и это ему легко удавалось - в школьном коридоре висела большая картина Васнецова, от которой он порой долго не отводил глаз. Вовка, конечно, знал, что на этой картине Пересвета нет, но именно такими в его представлении были все русские богатыри от Никиты Кожемяки, до самого Ильи Муромца.

Однако описание Куликовской битвы занимало в учебнике всего несколько строчек, и Вовка ударился в библиотеку, где Галина Михайловна – школьный библиотекарь, знавшая его как облупленного, сразу нашла то, что было нужно.

«Дмитрий Донской» – так называлась книжка, за которую Вовка тут же уцепился и не выпускал её из рук, пока не прочёл от корки до корки. Конечно, он остался чуть недоволен тем, что Пересвет до Куликовской битвы был всего-навсего монахом, а вовсе даже не славным богатырём из княжеской дружины, но потом он вполне здраво рассудил, что богатырями не рождаются, а ими становятся, когда приходит пора защищать Родину.

«Эх, жалко, конечно, что Пересвет тогда в поединке погиб. Он бы в бою многих из орды уложил... но и Челубей здоровенный был. Как Соловей-разбойник против Муромца... тоже мог бы много наших побить, если бы его тогда не уложил Пересвет...»

Вовка пытался сопоставить современные свои батальи с плахинской ордой, находил какие-то сравнения.

«Вот бы и нам иногда биться один на один перед всеобщей битвой, - накручивал Вовка идею за идеей. – У нас самые сильные – это Васёк и Шурка, а у них Тагир и сам атаман.... но...»

Вовка с тоской смотрел на свою согнутую в локте руку и не находил на ней никаких бугорков, которые хоть издали можно было бы принять за мышцы.

Он вспоминал крепыша Витьку Плахина и терзался от мысли, что тот и впрямь заслуженно верховодит в своём отряде, не то, что он – худоба и недомерок

«Но ведь Дмитрий Донской тоже сам не бился с Мамаем.... А если бы они побили друг друга, то кто бы тогда командовал дальше – разбежались бы оба войска кто куда...»

Васёк сразу согласился биться смертным боем один на один хоть с кем из плахинской команды, даже сразу с двумя. Он тоже знал, что ему в любой драке может противостоять только Тагир, а с не менее сильным атаманом ему биться не положено – не тот чин.

-Драться не драться, а хотя бы побороться перед нашим укрепрайоном или их юртами. Смотри кто на кого первым нападёт...

-Конечно, можно сначала на саблях посражаться, а раз сабли у нас деревянные, то до смерти дело не дойдёт – значит потом рукопашная! - разгорался Васёк. - Кто кого повалит!..

-Надо с ними сначала договориться, а потом уже выбирать оружие или другие способы поединка, - решил Вовка пока не торопить события.

Шурка тоже сказал, что он запросто и всегда согласен на поединок, и тоже с любым плахинцем, но для него, который в дружеских схватках никогда Васёке не поддавался, достойного соперника в команде Плахина, кроме того же Тагира, не просматривалось. Длинный и тощий Байрак хоть и был много сильнее Вовки, но не до того, чтобы на равных биться с Шуркой.

-Будешь в резерве если что, - не стал охлаждать воинственный пыл своего второго заместителя командир. – Вдруг Васька...

Но что могло случиться с Васькой?!.. Ну, не заболит же он какой-нибудь ерундовой скарлатиной или сопливой ангиной!.. Такого с бойцами-ветеранами в обоих отрядах не бывало даже зимой и в самую промозглую слякоть. И это при том, что все и всегда предпочитали минимум одежды.

...Неприятель не заставил себя ждать с очередной вылазкой всеми своими наличными силами в сторону панинско-го укрепрайона. Но в эти дни панинцы держали ухо особенно остро и надолго от своих землянок никуда не отлучались. Бойцы быстро заняли свои места в траншее и в окопах, а позади траншеи целая куча добротного и далеко летящего щебня, которую отец одного из бойцов привёз на своём огромном самосвале, поверив, что пацанам он нужен для выравнивания городошной площадки.

-Смотри-ка, идут как на парад – забыли, что они партизаны, - заметил Шурка необычное в тактике неприятеля.

-Про Чапаева опять кино, наверное, вспомнили. Вот и идут на наши пулемёты... - высунулся и Васёк. – Эх, сейчас бы из настоящего пулемёта шурануть...

-Основная часть их отряда наверняка по оврагу пробирается, - высматривал неприятеля из самодельного бинокля Вовка. - А эти идут только для того, чтобы ты их, Васёк, из ненастоящего пулемёта «косил»... И атамана наверху нет...

Хотя панинский укрепрайон пересекал не только пустырь, но и выходил через овраг на другой берег, овраг оставался наиболее уязвимым местом из-за того, что его дно густо и почти сплошь заросло мелким ивовым кустарником и молодыми ивами. Поэтому панинцы почти постоянно держали там дозоры, как и сегодня.

-Шурка, ты всё же потихоньку пройди навстречу по кустам и посмотри их в овраге, - распорядился Вовка. - На всякий случай возьми с собой Серёгу или ещё кого-нибудь.

Скоро от Шурки по траншее с донесением прибыл Серёга Венедиктов. -

От них все кусты, как живые шевелятся... Шурка сказал, что надо основным силам в овраг спускаться, а здесь оставить только заслон...

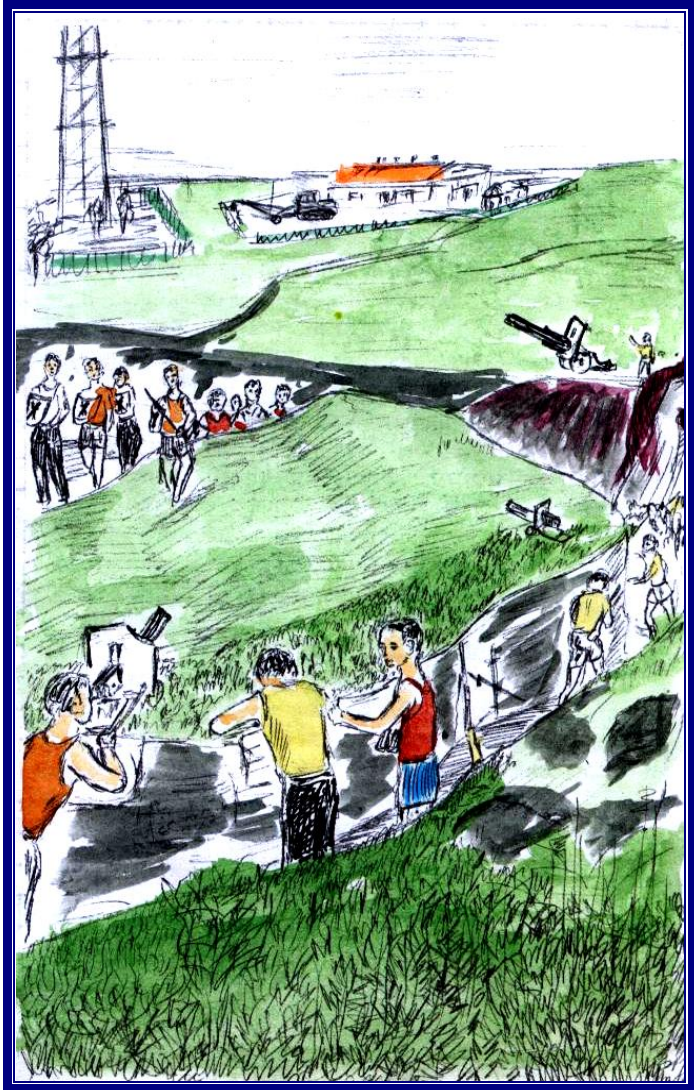
-Васёк, оставайся со своим отделением здесь, а мы все в овраг...

...Плахинцы крались по оврагу, продираясь на коленях по-гусиному между кустами.

-По шевелящимся кустам из всех ор-рудий и пулемётов... О-ого-о-онь!.. - скомандовал Вовка, дождавшись прицельного расстояния, и град щебня посыпался в направлении неприятельский цепей.

Противник, поняв, что обнаружен, бросился из кустов вверх по оврагу, стремясь занять выгодную высоту, с которой рассчитывал открыть прицельный огонь не только по панинским силам в овраге, но и в сторону Васькиного заслона. А Васёк уже давно понял, что из оврага плахинцы полезут именно на эту высотку, и уже здесь встретил превосходящие силы противника. И сегодня Васёк опять бил сверху, как и тогда с подъёмника, с той лишь разницей, что теперь он был не один - рядом плечом к плечу друзья-соратники.

Но очень скоро и Васёк со своими бойцами оказался в кольце нападения. Те плахинцы, что шли шеренгой сверху, оказались в тылу Васькиной группы... Пока основные силы панинцев выбирались из глубокого оврага, Васёк уже забинтовал голову синей повязкой. Марлю и даже йод многие бойцы носили с собой, примотав их к руке или ноге, так как на трусах карманов не было, а в штанах с карманами летом ходить было несподручно, да и жарковато.

Малочисленные плахинцы в тылу отряда Васьки Живаленко, были быстро смяты частью Шуркиной группы и отброшены далеко к юртам. Основные силы плахинцев тоже отступили по тому же дну оврага, по которому пришли, поняв, что и в этот раз сокрушить неприступную оборону панинского укрепрайона им с ходу не удалось.

Два поединка

Отряд панинцев остался наблюдать за отступившим противником, а тот остановился на полпути к своим юртам, приводя в порядок себя и снаряжение после форсирования почти ползком местами илистого дна оврага. Отряд панинцев снова занял свои места в окопах и траншеях, возле орудий и племётов.

-Думаю, что сейчас самое время выйти к ним на переговоры о поединке, - подошёл Васёк к Вовке, когда у всех спало напряжение только что прошедшей битвы.

-Да у тебя же и так голова перевязана... хочешь, чтобы Тагир тебе ещё руки-ноги поломал...

-Ха!.. Пусть попробует... у него тоже ноги-руки есть...

В одиночку на переговоры, пусть даже о временном перемирии, на войне не ходят, и Вовка взял с собой Шурку и Витьку Венедиктова. В руках у Шурки небольшой белый флажок, у других парламентёров зелёные ветки ивы.

Плахинцы было засуетились, увидев троих неприятельских командиров, но твердокаменный атаман что-то цыкнул и все снова занялись своими делами, тем не менее, поглядывая в сторону приближающихся парламентёров.

Совсем вплотную подходить не годилось, и парламентёры остановились на расстоянии, с которого можно было вести нормальный разговор.

Атаман до конца выдержал молчаливую паузу, так и не задав вопроса. Но с белым флагом пришли всё же панинцы, и Вовка начал переговоры:

-Мы предлагаем вам устроить поединок... - медленно отчеканил он.

-Чего?...- вытянулось до невозможности и без того длинное лицо Байрака. Плахин тоже от удивления отвесил нижнюю челюсть.

Теперь уже выжидал Вовка, не желая повторяться.

-Чего? – скосоротился мрачный атаман. – Какой такой поединок?..

-Один на один – как Пересвет с Челубеем...

Плахин наморщил лоб:

-Челубей?.. Это кто ещё у вас такой завёлся с таким страшным прозвищем?..

Стоявший рядом с атаманом Тагир, вышел на полшага вперёд:

-Подождите...

И молчаливый до того Тагир отошёл с Плахиным и Байраком на кладку брёвен возле ближнего забора.

-Просвещает, - догадался Вовка. – У них Тагир первый ученик – тоже всё знает...

Скоро неприятельские командиры подошли на прежнее расстояние.

-В какой форме вы предлагаете поединок?..

-Мы выставляем своего самого сильного, а вы своего... О способах поединка и об оружии поединщики договариваются сами..

-И кого же вы выставляете?..

-Моего заместителя Ваську Живаленко...

-А у нас будет Тагир... так что давайте своего и начнём прямо сейчас...

-Чего это вы заторопились? – начал гонориться Вовка, будто бы не сам пришёл первым договариваться. - Для поединка надо выбрать ровное место, так что пошли на наш пустырь, где оба войска свободно разместятся - там и наш будет... Мы вас там будем ждать...

С этими словами Вовка и его сопровождение завернули назад, в сторону своего укрепрайона.

-Я всё равно сначала буду драться на мечах! – заерепенился ни с того ни сего Васёк, когда Вовка рассказал ему о результатах переговоров.

-А кто против?.. Мы только договорились, что ты и Тагир оружие выбираете сами...

Панинская команда ещё прошлой зимой насобираала на задворках городского хоккейного корта множество коротких и длинных обломков хоккейных клюшек, которые наломали хоккеисты из местной команды нефтяников. Их с лихвой хватило для того, чтобы изготовить и вооружить обоюдоострыми мечами и шпагами не только всех бойцов панинской команды, но и разнюхавших про эти дела плахинцев...

Что из дерева прочнее многослойной фанеры?.. Вряд ли чего... поэтому панинцы зимними вечерами вытаскивали из инструментов своих отцов грубые рашпили по дереву и пилили-пилили эти длинные обломки клюшек до острых одной или двух граней. С такими штуками не могли пойти в сравнение никакие - даже дубовые мечи, которые могли в самый неподходящий момент хрястнуть где-нибудь пополам.

Вовка, Васька и Шурка много тренировались этими мечами и понимали кое-какой толк в фехтовании. Долгими зимними вечерами они без усталости колотили мечами в тёплом коридоре барака, но не возбранялось и днём в снежных кручах. Но всё же фехтование – дело, требующее особой ловкости, а в пальто да в валенках, тем более в сугробах много не насражаешься...

Однако партизаны из плахинского отряда тоже не зря паслись за забором того же хоккейного корта, и скоро в руках у Тагира возник не лёгкий и короткий меч вроде спартанского, которые были в ходу у панинцев, а тяжёлый двуручный рыцарский меч, на изготовление которого, скорее всего, пошла не одна хоккейная клюшка.

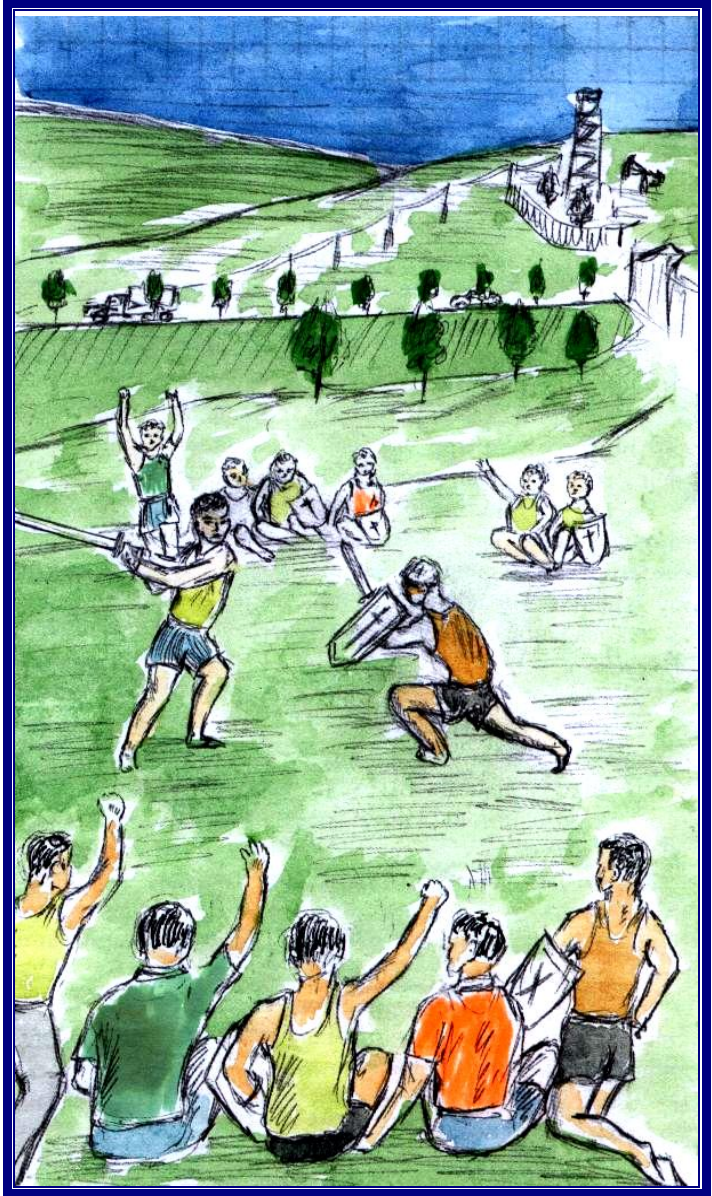
Вот уже на пустыре двумя подковами напротив друг друга шумно расселись два отряда, и в центр круга вышли поединщики.

-По башке не бить!.. По ногам не бить... стараться только выбить оружие из рук противника. Побеждает тот, кто останется с мечом...

И поединку дан старт. Васёк к лёгкому мечу имел ещё небольшой щит тоже из многослойной фанеры, он умело начал подставлять его под полновесные удары тяжёлого меча, норовя ударами снизу ближе к рукоятке выбить грозное оружие из рук соперника.

Но Тагир махал длинным мечом с такой быстротой, что, казалось, удары достигают Ваську и сквозь ненадёжный с виду щит.

Вовка наблюдал за поединком и с каждым ударом Тагира думал, что вот сейчас расколется на части щиток, тогда Васёк и вовсе останется почти безоружным. Но было видно, что щит очень здорово помогает Ваське и играет в поединке роль несколько не меньшую, чем меч в его правой руке. Васёк сам подныривал со щитом под удары грозного противника и раз за разом повторял тот коронный удар по мечу ближе к рукоятке, который так часто использовался в их тренировочных боях.

Вовка думал, что если бы в руках Тагира был такой же меч, как у Васьки, скорее всего, поединок на мечах мог бы уже давно закончиться, но плахинец цепко держал своё длинное оружие обеими руками и с дальнего разворота наносил удар за ударом по Васькиному щиту.

И всё же в какой-то момент Тагир ослабил свои цепкие руки – удар Васьки достиг цели, и двуручный меч упал ему под ноги. Но в ту же секунду Тагир руками схватился за Васькин меч, и оба покатались на землю. Вовка переглянулся с Плахиным (командиры сидели недалеко друг от друга), и понял, что атаман не очень-то хочет останавливать разгоревшийся поединок. Он молча согласился с ним коротким кивком головы.

«За настоящий меч Тагир руками бы не схватился...» – всё же подумал Вовка, но решил пока не спорить.

Ростом Васёк был на самую малость повыше Тагира, но в борьбе вряд ли это можно отнести к преимуществу, скорее наоборот. Тагир ловко подныривал всем корпусом под Ваську и норовил схватить того за спину, оторвать от земли и бросить на неё же с размаха своего соперника.

Васёк не поддавался. Все ждали, когда же кто-нибудь сумеет припечатать противника спиной к земле или совершить удачный бросок, но из поединка явно выпирало равенство сил. У Васьки уже давно порвана майка и содрана с головы его красивая синяя повязка, под которой обнаружилась далеко видная ссадина.

-Если никто не победит на счёт до полста, - пододвинулся атаман к Вовке, - то давай останавливать, а то они уже почти дерутся...

-Шурка, считай до ста, только тихонько, чтобы они не слышали, а то ещё что-нибудь не то подумают...

Шурка не успел досчитать даже до полста – у Тагира порвалась резинка на трусах, которые тут же слетели вниз, и бой был срочно остановлен «по техническим причинам»

Но из полукольца плахинцев вдруг понеслись неясные выкрики:

-Пусть командиры поборются!.. Наш атаман сильнее вашего!..

Одиночные крики были поддержаны всеми плахинцами, которые принялись орать и даже стучать своими мечами и щитами не хуже кровожадных зрителей из древнеримского Колизея с боями гладиаторов.

-Чего это они? – состроил недовольную рожу поднявшийся атаман Плахин, но всем было видно, что его губы тронула презрительная усмешка, когда он бросил взгляд на тоже медленно поднявшегося Вовку.

Командир недоумённо глядел в сторону своих соратников, Шурка, было, приподнялся:

-Давай я поборюсь с атаманом...

Но Вовка глубоко вздохнул и вышел вперёд, словно прыгнул с высокой скалы в глубокую, чёрную воду.

Об этом поединке лучше не вспоминать. Долго ещё у Вовки в ушах стоял смех плахинцев во время этой борьбы, когда Вовка, извиваясь, как червяк, пытался высвободиться из железных тисков атамана. Атаман раз за разом припечатывал Вовку к земле, но в последний момент у того находились откуда-то силёнки, и он выскальзывал из-под придавивших его рук, не дав судьям успеть зафиксировать победу атамана.

Они снова становились напротив, и Вовка бросался вперёд, хватал противника за ноги или за спину, сжимал руки в кольцо, стискивал зубы и больше ничего не хотел делать – лишь бы хватило сил не расцепить руки. Атаман возил Вовку по земле, стараясь сбросить его с себя, рвал его руки, которые вот-вот были готовы скорее сломаться в кости, чем расцепиться в пальцах. И в конце концов атаману это удавалось.

Уже дважды судьи фиксировали победу атамана, дважды яростно спорили панинцы и сам Вовка, что никакой победы не было, и снова атаман соглашался встать напротив Вовки под свист и улюлюканье своих атаманцев.

-Хватит... устал я уже, - поднялся атаман, очередной раз придавив Вовку к земле. –А ты если не устал, то подойди вон к тому столбу и с ним борись – он тоже никогда не устанет... как и ты...

Но даже во время неравной схватки Вовка представлял, что ведь поединки бывают разные. Не обязательно бороться вплотную, где часто побеждает тот, кто просто от природы обладает большей физической силой или ловкостью. Взять дуэль времён Пушкина – там у каждого одинаковые пистолеты и здесь на первый план выходят не грубая сила, а быстрая реакция, меткость и, наконец, смелость и твёрдость духа...

-Я предлагаю продолжить поединок и теперь мне дать право выбора оружия, - после короткой передышки проговорил Вовка, когда заметил, что явно удовлетворённые плахин-

цы завозились в своём полукольце, собираясь покинуть арену боя.

Снова удивлённые лица и теперь уже у бойцов обеих команд.

-Хватит, Вовка... чего ты ещё придумал?.. И так, если скидку на рост и вес сделать, у вас ничья получилась, - пытались уговаривать командира Васёк и Шурка.

-Теперь я буду с тобой на камнях драться... один на один, но по-другому... без рукопашной. Один на один камнями... - как заклинание повторил Вовка

Витька Плахин за всю эту войну много раз встречался с Вовкой Паниным за переговорами и в атаках во время жаркого боя, но лично один на один им встречаться не приходилось.

-Как это камнями?.. Ты в меня кидаешь – я в тебя?... А остальные смотрят, как зрители?..

-Так и есть... выбираем место и стреляем друг в друга камнями до тех пор, пока кто-нибудь не сдастся.

Придумывая на ходу условия предстоящего продолжения поединка, Вовка сам ещё слабо представлял, как это будет выглядеть на самом деле. Но он чётко понимал, что в его поединке с атаманом Плахиным нельзя больше допустить рукопашной – тогда ему опять конец и крышка.

И Васёк и Шурка продолжали уговаривать его не идти на такой поединок с Плахиным, но теперь уже было поздно.

-За меня сильно не бойтесь. Я же точнее вас стреляю камнями. Лучше принесите из землянки мою пилотку...

У Вовки была давно выгоревшая на солнце солдатская пилотка со звёздочкой, которую он, будь его воля, не снимал бы ни днём, ни ночью. Но мать однажды сказала, что если и летом ходить с покрытой головой, то быстро станешь лысым.

-А как же солдаты?.. Им и вовсе не положено без пилоток ходить...

-Солдаты уже взрослые – у них волосы крепкие, а выпадают они только у мальчишек и у стариков, - выкрутилась мать.

Вовка совсем не хотел быть похожим на лысых стариков и пилотку теперь одевал только в самых торжественных случаях. Поединок, несомненно, был таким случаем. Кроме того, пилотка могла существенно смягчить удар камнем по голове, если так получится.

Витька Плахин в жарких боях надевал на голову резиновое кольцо, вырезанное из автомобильной камеры подхо-

дящего размера. Верхний край кольца был изрезан в форме зубьев, отчего такой странный головной убор напоминал царскую корону, что вполне устраивало атамана и его соратников. Да и защита покрепче пилотки...

Довершали амуницию благородных поединщиков щиты. У Вовки это был такой же щит, как у Васьки при битве с Тагиром. Многослойная фанера была самым прочным материалом, который можно было придумать из дерева и при этом не столь тяжёлым, как такого же размера щиты из даже самых тонких досок, не говоря уже про листовое железо. У атамана щит был не хуже панинского.

Совсем недавно улицу Донскую засаживали яблонями и топольками. Плахинцы и панинцы помогали бригадам из конторы благоустройства, правда, каждая команда только напротив своих барakov. Тогда же панинцы уволокли пару десятков молодых топольков, и посадили их вдоль одной из сторон по периметру пустыря.

Теперь топольки взяли рост, но они ещё были очень тонкими для того, чтобы за ними можно было хоть как-то спрятаться – Вовка выбрал их только для того, чтобы, перебегая от тополька к топольку, ориентироваться в расстоянии между противниками. Между исходными позициями мелко дрожало на слабом ветерке шесть саженцев, а между саженцами сам Вовка отмерял ровно по четыре метра ещё при весенней посадке

-Крайняя ближняя позиция - между двумя соседними тополями и ближе не подбегать! – обговорил Вовка одно из главных условий дуэли, чтобы исключить всякую возможность невыгодной ему рукопашной. – Даже с такого расстояния биться только камнями!

Плахин как-то отрешённо, и глядя в сторону, соглашался со всеми Вовкиными условиями и предложениями, но было видно, что делал он это без всякого желания и интереса. Может потому, что и так уже неоднократно победил своего давнего противника.

-Шурка и Васёк!.. Вы будете подавать мне камни когда скажу! – отдал последнее распоряжение Вовка. - Только сами под них не попадите...

Остальные пацаны заняли место поодаль от своих командиров. Вовка не слышал, он кожей воспринимал сочувственные взгляды своих.

Атаман тоже определил себе оруженосцев и дуэльная перестрелка началась..

Первоначальное расстояние в двадцать метров дало возможность обоим пристреляться вдоль ряда деревьев, и теперь камни часто ложились точно в цель. Нет, не зря в стане противника верховодил именно Витька Плахин!.. Что толку оттого, что молчун Тагир настоящий батыр и хорошо учится?.. Разве смог бы он так увлечь за собой ватагу атаманцев, как Витька, хотя тот в школе перебивается с двойки на тройку. Или Байрак ихний... смелый пацан – ничего не скажешь, и в ловкости ему не занимать, но его смелость и ловкость частенько оборачиваются настоящей смехотурой...

Витька бил прицельно и нисколько не хуже Вовки, который, бывало, до одури тренировался в одиночку где-нибудь за сараями, надеясь хоть этим как-то компенсировать недостаток физических сил.

Вот камень больно вlepил в коленную голяшку, вот снова в плечо... но командир и атаман упрямо стремятся к сближению. Вовка тоже попал в атамана, да ни куда-нибудь, а прямо чуть ниже уха!.. С такой раной в обычном бою уже полагалась повязка и даже госпиталь.... В этот раз бой остановить было некому - дерутся сами командиры...

Вот уже поединщики разделяют только два тополя, а между ними всего четыре метра! Да это же стрельба в упор!.. Шурка с Васькой, прикрываясь щитами от камней атамана, приближаются к Вовке, но тот остервенело не соглашается на прекращение поединка. Атамана пытаются удержать Тагир и Байрак, но тоже безуспешно.

-Да вы что!.. Поубиваете сейчас друг друга!..

Наконец, сила ломит силу... Плахину делают повязку под кровоточащее ухо, у Панина тоже под пилоткой находят большую шишку.

-Это тебе не голыми руками силу показывать! – всё же кричит Вовка через спины своих соратников.

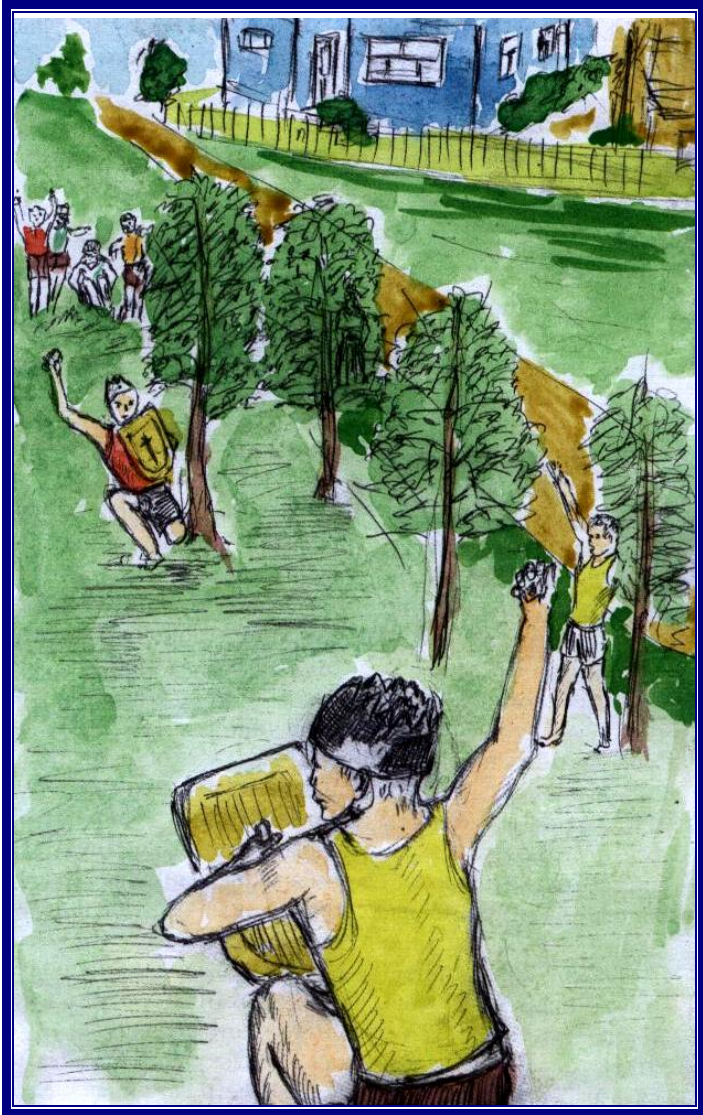
-Да я в тебя больше раз попал!

-У тебя кровь, а у меня нет – так что на этот раз моя победа!..

Но оба понимали, что победы не было... никто не сдался.

Заложник

Вовка, Васёк и Шурка ремонтировали одну из землянок, кровлю которой частично провалили плахинцы во время последнего набега. Самое трудное было – вытащить кучи грунта, проваленного внутрь землянки и части деревянной

кровли. Но работа есть работа и дело спорилось. Скоро почти всю землю вытащили, осталось только настелить доски покрепче и вновь засыпать землёй с маскировочным дёрном – как положено.

-Вовка!.. Вовка!.. Пацаны!.. – издалека донёсся чей-то крик. Оглянувшись на шум, ребята увидели Тольку Пименова, который на всех парах летел к оврагу.

-Серёгу в плен забрали плахинцы и закрыли в юрте!.. - вывалив глаза из орбит и задыхаясь, доложил Толян.

-Откуда ты взял?.. Как это случилось?.. Когда? – засыпали ремонтники вопросами гонца.

-Мы с ним в базарном универмаге игрушки смотрели, а там Байрак с Тагиром – тоже пялятся... Возле них Витька Юнусов, который тут же из магазина смылся. Мы и не подумали ничего... Из магазина вышли, а тут ещё трое плахинцев стоят, а сзади Байрак с Тагиром... ну и окружили нас...

-Чего же вырваться не смогли?..

-Попробуй-ка... их получилось пять человек на нас двоих...

-Ну и куда вас повели?.. Только короче и быстрее.

-Я всё-таки вырвался, когда на Донскую вышли, а Серёгу Байрак и Тагир держали, а они – сами знаете – пацаны здоровые... Я забежал за угол барака и проследил, что они повели его в сторону своих юрт... А потом я и до юрт добрался. Там их человек десять торчат. Юнусов за атаманом побежал – Плахин сам допрашивать Серёгу будет...

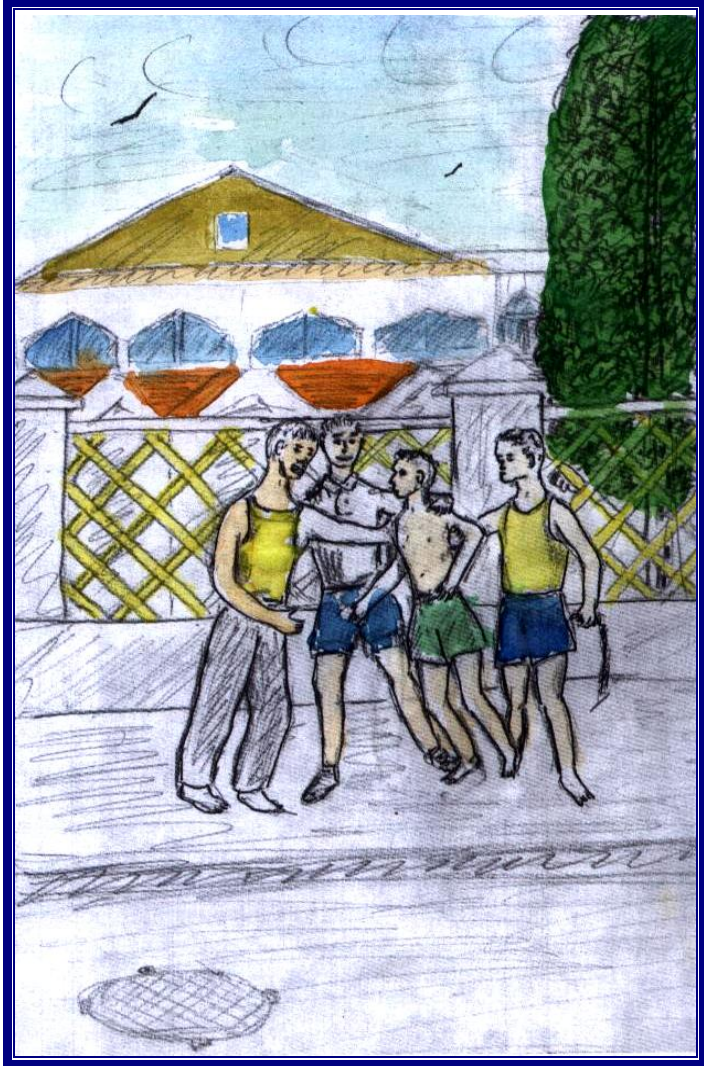
-Да... - озадачился Вовка. – Такого ещё не было, чтобы кого-то по улицам ловить и вести в плен. То что мы Байрака в тот раз взяли – так он шлялся, где ему не положено, а тут прямо на улице. Как будем выручать?..

-А что тут думать?!.. Надо на приступ идти! – выпалил как всегда скорый на решения Витька Венедиктов, который вовремя подоспел, залив грядки в своём огороде.

Так или иначе, но что-то надо было делать, и скоро возле разрушенной землянки собралась почти вся Вовкина команда, а это как-никак около двух десятков испытанных бойцов.

-Витька с Шуркой – вы идите на разведку, а мы по оврагу вслед двинемся. Васёк, ты возьми человек шесть и походи к юртам со стороны Донской. Но совсем близко не подходи, а спрячься и жди. Атакуем вместе...

Разведчики тихо ушли, а Вовка с Васькой разделили команду и тоже разошлись в разные стороны.

От панинского укрепрайона до самых юрт речка текла по глубокому оврагу. Кое-где склоны оврага заросли ивовым кустарником, за которым на всякий случай притаился отряд, двигаясь перебежками от куста к кусту. Разведчики поджидали Вовку в овраге под юртами неприятеля.

-Ну что?..

-К юртам близко не подползешь. Они со всех сторон часовых поставили. А Плахин в юрте – он в окно один раз высунулся...

Вовка осторожно выглянул за край оврага. До юрт метров тридцать, но местность была совсем голой и плоской.

«Что же делать? – крутился вопрос в голове. – Камней нет... Они вокруг всё собрали и в юрты, наверное, затащили для обороны...»

-Может, сходить на переговоры. Узнать, что они хотят, - спустившись вниз, посоветовался Вовка с Шуркой и Витькой.

На том и порешили.

-Витёк, ты с ребятами пока собирайте подходящие камни из речки и складывайте их в кучки, а мы с Шуркой пошли. Толян, поднимись наверх и поглядывай за нами, а то как бы и нас в плен не забрали...

Парламентёры поднялись немного вверх по оврагу и незаметно для юрт вышли наверх. Таким образом, они сделали вид, что идут со стороны своего укрепрайона и тем самым совершили отвлекающий манёвр.

-Эй, часовой! – крикнул Вовка в сторону насторожившегося пацанёнка с саблей наперевес. – Позови атамана... мы на переговоры...

Атаман не заставил себя ждать, и выставился в одной из оконных дыр.

После недавнего жестокого поединка между собой, командиры близко встретились в первый раз. Вовка не испытывал к атаману какой-то особой злости, да и тот, похоже, ничего лишнего не имел против Вовки Панина.

-Чего надо? – тем не менее, с необычным гонором вопрошал он.

-Зачем забрали Серёгу Венедиктова?.. И куда вы его дели? – угрюмо начал Вовка.

-В надёжное место, - кивнул Плахин в глубину юрты.

Панинцы знали, что в юртах есть что-то типа темных кладовок, на которых чудом сохранились двери и теперь подумали, что Серёга томится в одной из них.

-А что это за ерунду вы придумали - хватать пацанов на улицах?..

-А вы как Байрака?..

-Так он же в нашем штабе хозяйничал, бардак там наводил... Если бы вы Серёгу в своей юрте поймали, то тогда другое дело... да и Байрака вашего мы долго не держали, а сразу отпустили.

Пока Вовка вёл мирные переговоры, Шурка внимательно зыркал по окнам и дверям, надеясь увидеть Сергея, а заодно считал живую силу противника. Вовка краем глаза видел Ваську, то и дело выглядывающего из-за ближнего забора. Витька тоже изредка высовывался возле одинокого куста на краю оврага.

-Так что же вы хотите?.. Вы его били?..

-А он Байрака на чердаке как лупил по шее и даже палкой чуть не врезал?..

-Короче – отпустите или нет?..

Витька Плахин широко улыбался. За его спиной крутились Байрак и Тагир, другие плахинцы, но Сергея видно не было...

-Серёга!.. Ты здесь?!.. – громко крикнул Вовка, но никакого ответа не последовало.

-Мы ему рот тряпкой заткнули, вот он и мычит теперь.

-Покажите, если не врёте...

-А чего показывать – он не кино... так что отдавайте нам одну гаубицу и зенитку в придачу, тогда получите своего, - неожиданно ребром заявил Плахин.

-Так вот оно в чём дело... значит, самим лень или ума не хватает, и таким образом решили вооружиться – протянул Вовка. – Может уж вам все пушки отдать и землянки вместе с ними?..

-Землянки ваши нам не нужны – у нас юрты не хуже, а Серёгу получите, когда прикатите сюда пушки...

Вовка понял, что дело добром не кончится и предстоит бой, но всё-таки решил ещё раз оценить обстановку.

-Дай нам пять минут подумать...

Отошли с Шуркой чуть подальше. Атаман напряжённо наблюдал.

-Там их всего человек пять или шесть, - быстро забубнил Шурка, уставившись для отвода глаз на юрты. – Вторая юрта точно пустая... Я смотрел: пока вы с Витькой разговаривали, никто в неё не заходил и не выходил. Откуда Толян взял, что их здесь десять человек?..

-У страха глаза велики... а может их здесь больше было, но они ушли куда-нибудь...

-Вовка, давай их атакуем! – подтвердил уже созревшее решение Шурка. – Пацаны сегодня злые – моментально все окна забрасаем...

-Эй!.. Пять минут уже давно прошли. Давайте своё последнее слово! – продолжал непонятно почему куражиться Витька Плахин.

-Знаешь, атаман, ты сейчас пожалеешь собственную дурасть... ведь вас там всего пять или шесть человек и пощады не ждите... Васёк!.. Витёк!.. Окружайте юрты, и чтобы ни один не ушёл живым от возмездия...

Васькина группа на глазах ошарашенного атамана заняла позицию напротив дверей, а Витька со своей блокировал окна.

-Так что?.. Отдаёте или нет?.. Вашего последнего слова нам не надо...

-Нам тоже надо подумать, - скрылся в окне атаман.

-Ладно... мы решили сегодня не биться... - снова высунулся через пару минут Витька. – Вас в три раза больше, чем нас, так что сегодня ваша победа... но Серёгу заберёте, когда мы уйдём, - зачем-то ухмыльнулся атаман и вполне бодро выпрыгнул из окна.

За ним в это же окно выскочили Байрак, Тагир и ещё трое атаманцев.

Панинцы молча проводили зловредно улыбающихся плахинцев, и зашли в юрту. Но, перевернув, обе юрты вверх дном, ребята Серёгу не нашли... зато в одной из кладовок на стене значилось: «Шиш вам, а не Серёга!»

-Я же его с плахинцами до самых юрт проводил, - недоуменно мямлил Толька Пименов. – Я и к вам-то прибежал только тогда, когда убедился, что они Серёгу вот в эту юрту завели...

-Нет нигде, – уныло вышли Васёк и Витька из юрты.

Остальные ребята ещё бродили внутри юрт и снаружи. Иногда кто-нибудь кричал: «Серёга-а-а!», но никто не отзывался...

-Дураки мы... надо было самого атамана Плахина в плен взять, а мы им поверили. За атамана Серёгу сразу бы отпустили, - горевал Витёк, усевшись рядом с Вовкой.

-Думаю, что плахинцы его в другое место уже потом, после юрт, перепрятали, а комедию состроили, чтобы нас обдурить, - тяжело вздохнул Шурка Иванчин.

Вовка ещё раньше это понял, вспоминая ухмыльные рожи уходящих плахинцев. Он давно уже просто сидел на длинном и широченном чурбаке возле одной из юрт.

«Скорее всего, они сейчас держат его в каком-нибудь сарае возле своих бараков, - размышлял командир. – А как узнать в каком, если ему и вправду тряпку вместо кляпа в рот засунули?..»

-Давай всё их барахло на улицу вытащим и большой костёр заделаем...- подошёл Васёк к ребятам. - А может, вообще юрты поджечь – они быстро сгорят?..

-Не надо, - сразу ответил Вовка. – Пускай стоят пока, а то они землянки строить не умеют, ещё на постой придётся пустить.

-Какой там «постой»! – взъерепенился Витька. – Да я сейчас в папкин гараж за бензином сбегаю, и не будет у них никаких юрт...

-Знаешь, какой огонь будет?.. Сразу пожарка придет... потом всем попадёт, - остудил Шурка Ваську и готового ко всему Витьку. – Да и юрты всё же жалко, хоть и не наши...

-И всё-таки он в каком-то сарае возле их бараков, а может даже в чьём-нибудь погребе, – подвёл хмурый итог бесплодным поискам Вовка. – Пошли к себе, а ты, Витёк, попробуй потихоньку возле плахинских бараков посмотреть. Малышню там поспрошай, может, что скажут. Только сам не попадись...

Через полчаса Витька прибежал к ребятам, которые уже заканчивали начатый утром ремонт. Никто пока не расходился, так как ожидали ещё каких-нибудь пакостей от плахинцев, а самое главное – ничего до сих пор не было известно о пленнике Серёге.

-В ихнем курмыше ничего подозрительного не замечено. Там дядьки во дворе в домино играют, поэтому к каждому сараю не подойдёшь, - рассказывал Витёк. – А плахинцев вообще никого и нигде не видать.

-Может купаться ушли или в лес... слушайте!.. А может они его в лесу держат под охраной, - вдруг осенило Вовку. – У них наверняка там какие-нибудь шалаши есть, как и у нас... вот только бы узнать – где эти шалаши...

-Знаете, я недавно за ягодами с мамкой через ихний лес ходил и видел там два шалаша на одной поляне.... А вдруг это и есть плахинские шалаши, - ко времени вспомнил всё тот же Толька Пименов.

-В каком примерно месте? – разом всколыхнулись ребята. – Шалаши хоть в нашем, хоть в ихнем лесу - строить больше некому.

-Там буровая вышка стоит на просеке, немного не доходя...

-Тогда скорым ходом туда, только не напролом, а осторожно... Витек и ты, Амирка, бегите с Борькой в ту сторону разведать, а мы на всякий случай снова разделимся – такой оравой по посёлку незаметно не проскочишь...

-Я со своими от пруда в лес зайду, а Шурка со стороны большого родника, - предложил Васёк. – А в лесу всем на всякий случай вооружиться палками, свои автоматы брать не нужно, а то подозрительно будет...

-Значит, и разведка и обе группы встретимся в кустах возле буровой. Кто раньше придёт, тот пусть сидит тихо и ждёт остальных, - закончил Вовка оперативный военный совет. – Я пойду с Шуркиным отделением.

Васькина группа неслышно спустилась к ручью и, миновав юрты на всякий случай по дну оврага, вышла к Первому посёлку, а там, через территорию клуба Нефтяников, зашла в лес. На весь переход ушло около часа.

Вовка и Шурка с бойцами прошли мимо своей школы до другого поселкового клуба и, перейдя через ручей с большим родником, взобрались на крутой лесной склон. Вскоре состоялась встреча обеих групп в кустах возле визжащей недалеке буровой.

-Витька с Толькой наблюдают за шалашиками – это точно плахинские шалаши. Там их аж целых восемь человек, но Серёги и тут не видать, - быстро доложил обстановку Амирка Минибаев.

-Лишь бы он там был... но не будем терять времени, а то к ним может подкрепление подойти, тогда вряд ли получится отбить, - порешили командиры. – Всем приготовить оружие, Амир, показывай дорогу...

Скоро перед панинцами возникла небольшая полянка, на которой бездымно горел скромный костерок, а возле него безмятежно сидели пятеро пацанов. Никого из плахинских командиров поблизости видно не было.

Недалеко от костерка стояли два шалаша средних размеров. Они густо завалены лиственными и сосновыми ветками, входы завешаны чем-то, похожим на мешковину.

-Скорее всего, Серёга в шалаше, который ближе к костру, - горячо зашептал вперёдсмотрящий Витек Венедиктов.

– Пацаны только туда то и дело лазят, и картошку печёную с водой туда пару раз носили...

Ребята прислушались, но из подозрительного шалаша не выходило ни звука.

–Шурка, давай мы с твоей группой нападём на тех, что сидят возле костра, а Васёк одновременно навалится на шалаш, - решает командир. - Хватают Серёгу, если он там, и бегом в лес. Но если вдруг из шалашей ещё кто выскочит, то Витька остаётся с Серёгой, остальные к нам на помощь...

–Витёк, возьми ножик, может он связанный, - протянул Васёк свой многолезвийный перочинный нож – главную свою гордость.

Когда Васёк с ребятами заняли позицию сзади арестантского шалаша, Шуркина группа, а с ними и Вовка, выскочила из-за кустов и, размахивая палками выше головы, накинулась на костровых, которые разом подскочили.

–Сидеть!.. А то сейчас всем рёбра пересчитаем!.. – закричали Вовка и Шурка, остальные тоже орали боевые кличи вразнобой.

Васёк со своим отделением атаковали шалаш, из которого вдруг выскочили ещё трое атаманцев во главе с Байраком, а с ними и ...Серёга.

–Скорее сюда! – схватил Витёк своего братишку. – Побежали!..

Но плахинцы не сопротивлялись – уж больно грозны были панинцы.

–Атаману своему передайте, что если ещё такое придумаете, то мы вас всех в плен возьмём и в своих землянках зароем!..

Васёк подступился к Байраку, который прижался спиной к стволу берёзы.

–Может, тебя опять в плен взять?.. Такой захват только ты мог придумать... Вовка, а правда, давай его к себе утащим и в самой дальней землянке закроем...

–Ладно... у них и так поджилки трясутся – вряд ли до своих юрт теперь с испуга дойдут. Пускай доедают свою картошку и сил наберутся...- выразил общекомандное благородство командир Вовка Панин.

–Сергей, а почему ты за это время ни разу не смог убежать? – допытывал Венедиктов-старший своего брата возле родника, где остановились на передых после удачной операции - Тебя ведь даже не связанного держали...

-Давно бы убежал... только я хотел, как Сергей Тюленин или Олег Кошевой...

-Они тебя били?..

-Байрак раза три по шее ударил, как мы в тот раз его, да и всё...

-Как же они тебя через весь посёлок, по всем улицам провели?..

-А я сам шёл.... Шёл и думал: «Пусть меня расстреляют, пусть повесят, как Зою Космодемьянскую, но никакую тайну я им не открою...»

-Какую тайну!.. – вскричал Витёк. – Нужна им твоя тайна, да ещё и военная!.. Они же за тебя две пушки потребовали, а ты спокойно с ними в плен пошёл...

-Я не знал ничего про пушки, а то бы давно убежал, - повторил Серёга, куда-то потерявший свою геройскую уверенность.

-Эх ты... думал, что тебя плахинцы просто так в шалаше будут держать, да ещё картошечкой кормить и воду родниковую подавать. А про нас ты подумал?.. Подумал, что нам тебя выручать придётся?..

Возле родника, кто как пристроился, сидели и даже полёживали другие ребята. Некоторые снова и снова, как Вовка Панин, пили из сложенных ладоней стучащую по зубам чистую, холодную воду. Иногда пацаны взглядывали в сторону не очень-то по-дружески беседующих братьев, которые всё больше распалялись.

За время перехода от полянки с шалашами до родника через весёлый, поющий всеми голосами летний лес, воинственное настроение панинцев исчезло само собой, а залитое родниковой водой и вовсе утухло.

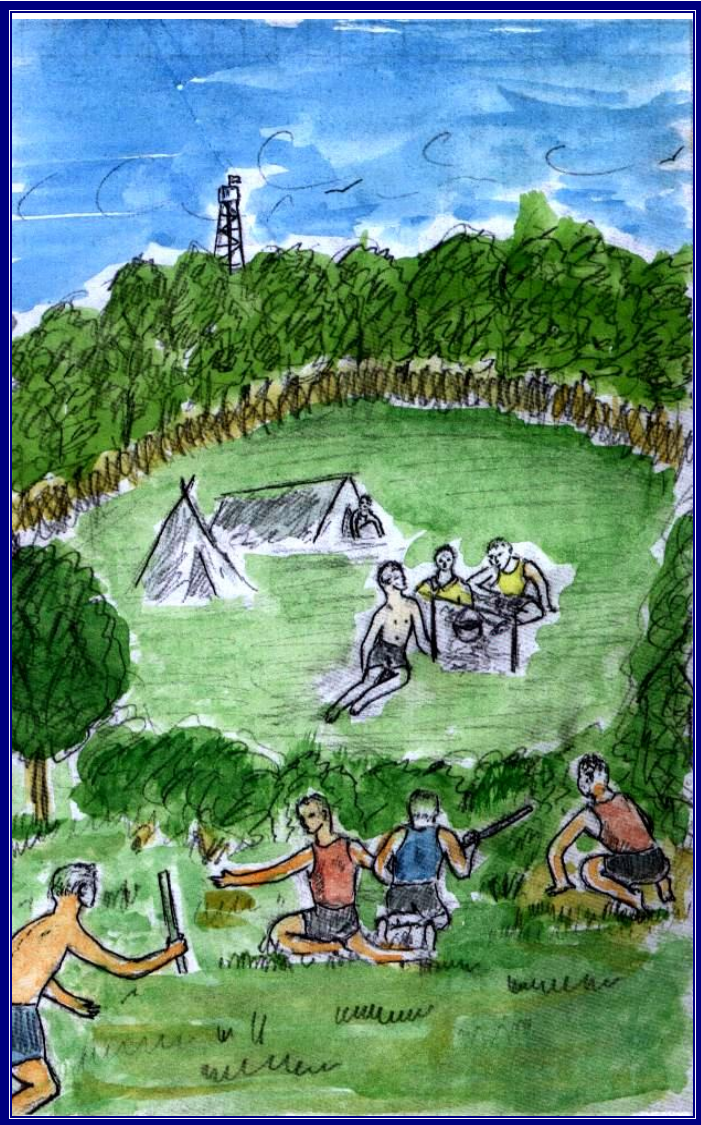
Да к тому же солнце, только-только перевалив половину неба, брызгало лучами прямо на лица ребят сквозь ивовые ветки, словно уговаривая их забыть про войну, забыть про плахинцев, про всякие болячки и обиды...

-Я наоборот хотел всё разведать, а потом убежать и вам рассказать, - продолжал, было, оправдываться Серёга, глядя на Вовку и Ваську.

-Ладно, Сергей... Тюленин... - прервал его Вовка. – У нас вроде бы обошлось без потерь, да и плахинцам урок дали... а в вот в плен сдаваться нельзя ни в какую!..

-Да не сдавался я в плен! – чуть не плачет Серёга.

-Всё! Хватит!..

Байрак и Федька

В погожие летние дни Вовкина команда занималась своими обычными делами. Кто расчерчивал новые площадки для игры в городки на истоптанном пустыре, кто подправлял роднички, а кто был занят и настоящим делом.

Бесконечные набеги плахинцев давно надоели ребятам, и Вовка придумал выставить посты охранения. Теперь с раннего утра и до позднего вечера возле землянок и пушек стоял часовой с настоящей, правда, без затвора, берданкой и в пожарной каске на голове.

Охотничью берданку нашёл Шурка Иванчин на чердаке финского дома по соседству, который попал под снос из-за строительства дамбы через речку, в котором и в самом деле жил охотник. А каску дали Альке солдаты из пожарной части. Часовые периодически менялись. На случай тревоги на самой большой пушке вывешена тяжёлая звонкая железяка...

Под руководством Альки возле пушки с железякой были устроены солнечные часы. А как же?.. Раз часовой, то обязательно должны быть и часы. Прямо на земле расчертили большой круг, в центр которого забили крепкий столбик. Столбики поменьше забили, ориентируясь на будильник. На них указали часы, а между ними даже минуты. Теперь команда Панина всегда знала который час, и смена часовых проходила строго по солнечным часам.

Как показали учения, команда сбегалась в свой укрепленный район уже в первые пять минут после звонких ударов.

Военные действия не мешали обеим командам совершать затяжные походы в окрестные леса. Лес, который считался вотчиной панинцев, начинался почти сразу за высокой дорожной насыпью, а плахинцы предпочитали отдыхать между боями в лесу с другой стороны посёлка, в котором уже начинали расчерчивать аллеи будущего лесопарка.

Однажды, погожим ярким днём, Вовкина команда почти в полном составе подалась в лес, оставив на посту одного из недавно принятых в отряд - второклассника Федьку Тимофеева.

Пополнение отряда происходило особо торжественно. В начале каждого лета готовился список тех, кто за зиму смог перешагнуть через призывной возраст, который составлял всего девять лет. Из того же «Пособия...» Вовка выписал Во-

инскую Присягу, и только чуть переделал её под мирную и военную жизнь своего отряда.

В торжественный день команда выстраивалась возле грозных орудий, где и проводился новый призыв для службы в рядах защитников самого укрепрайона и улицы Овражной, по крайней мере, её верхней части. Обычно новеньких было всего два-три пацанёнка, ведь принимали далеко не всех, а только тех, кого рекомендовало большинство из состава панинского штаба.

Звучала Присяга, стучала вместо марша звонкая железяка, и Вовка записывал в свою толстую тетрадь фамилии новых бойцов...

...После положенного инструктажа Федька нахлобучил каску, взял в руки берданку и остался стоять, распираемый гордостью за оказанное ему доверие.

Байрак долго наблюдал за передвижениями на панинских позициях, спрятавшись за огородным забором. А когда отряд ушёл в сторону леса, он, понаблюдав ещё с полчаса за одиноким на весь пустырь часовым, вышел прогулочной походкой на проходящую тропинку.

-Стой! – Федька выставил берданку навстречу Байраку. – Стой, говорю, стрелять буду!..

Байрак знал в лицо почти всех в команде Панина. Этот же был совсем незнаком. Маленький Федька тоже пока не знал знаменитого Байрака, и ничуть не испугался, а ведь тот был куда как старше и много сильнее.

-Кто такой? – продолжал Федька, едва ли не уперев ствол берданки в живот неизвестного нарушителя.

-Да вот иду мимо, смотрю, интересные пушки стоят, - миролюбиво запел Байрак. – Я и подошёл посмотреть...

-Здесь нельзя ходить. А то я сейчас тревогу подниму - пацаны прибегут и тебе морду намоют...

Байрак всё же был благороден. Зная, что пацанов давно близко нет, неравной драки затевать не хотел, а лихорадочно соображал, как бы обмануть ретивого часового...

-А тебя как зовут?..

-Федька, - Сразу ответил часовой, забыв, что ему строго-настрого нельзя не только знакомиться, но и разговаривать с посторонними.

Но Байрак уже достал из-за пазухи пару хороших огурцов, которые он ещё вчера натырил в Первом посёлке.

-Хочешь?..

Федьке, по правде говоря, уже начало надоедать одиночество, да и огурцы свежие были уж очень красивыми и аппетитными.... Через минуту они дружно захрустели, усевшись на орудийный лафет.

- Слышь, снова повернулся Байрак к Федьке, - а что это у пушки одно колесо ровно стоит, а другое криво?..

-Где?! – поперхнулся Федька.

-Разуй глаза...

Правое колесо у гаубицы и в самом деле чуть покосилось. Наверное, от долгого стояния на одном месте.

-Что же делать? – озадачился Федька.

-Нужны всего-то один большой гвоздь и молоток, - развивал свою хитрую идею Байрак. – Ты где живёшь?..

-Вон в том бараке, - махнул Федька, - но мне нельзя уходить.

-Да ты не бойся... если что – я покараулю... зато пушка будет в лучшем виде!..

Федьке очень захотелось до прихода своих товарищей из леса поправить колесо у грозной пушки и, после долгих раздумий и колебаний, он всё-таки согласился.

-Только ружьё и каску я тебе не дам, - пробурчал Федька, слезая с лафета.

Когда же часовой скрылся за углом ближнего забора, Байрак схватился за ствол гаубицы, но огромная пушка почти не стронулась с места. Зато маленькая зенитка сразу поддалась, и скоро диверсант покатила её в сторону своих юрт....

Вернувшиеся из лесного похода панинцы застали унылую картину. Зарёванный Федька уже не плакал (все слёзы выплакал), а, стуча зубами, тихо поскуливал, сжимая в руках берданку.

-Ладно, зенитку мы отобьём или новую сделаем... хорошо хоть пост совсем не бросил, - вздохнул Вовка. – А в военное время знаешь, что за это полагается?..

Все знали, но часовой по малолетству был тут же амнистирован. Из Федькиного сбивчивого рассказа быстро выяснили, кто так ловко обхитрил его и похитил боевую единицу с укрепленных позиций.

Однако Вовка и его заместители посчитали, что на этот раз трофей в руки плахинцев попал вполне заслуженно – с помощью военной хитрости, и решено было в этот день боёв не затевать. Более того, во время длительного лесного похода Вовка и его ближайшие друзья разработали и приняли совсем другой план на предстоящие августовские дни...

Перемирие

На другой день с утра пораньше Вовка с Васькой и Шуркой Иванчиным направились в сторону плахинских юрт, где тоже уже шевелились чьи-то тени. Шурка изредка взмахивал белым флажком, давая знать, что идут парламентёры. Витька Плахин вышел из юрты вместе с Байраком, который, как оказалось, снова стал первым заместителем атамана.

-Дурное дело нехитрое, - кивнул Вовка на тут же стоящую зенитку, ствол которой был развёрнут в сторону панинских позиций.

-Эх ты... второклассника обманул и лыбишься, - пристыдил Байрака Шурка Иванчин. – Да ещё героем себя чувствуешь...

-Сами виноваты, - исподлобья ответил атаман. – Вы бы ещё из детского сада кого-нибудь поставили.

Вовка и его друзья в душе понимали, что атаман, в общем-то, прав и несколько сбавили свой напор.

-Ладно, трофей ваш, а мы пришли...

И Вовка вполне толково и не спеша изложил план, который получил название «Базарное перемирие». План был напрямую связан с появлением на базаре, ещё недавно бывшем полем битвы, южных торговцев арбузами, дынями и прочим разными грушами и сливами вместе взятыми...

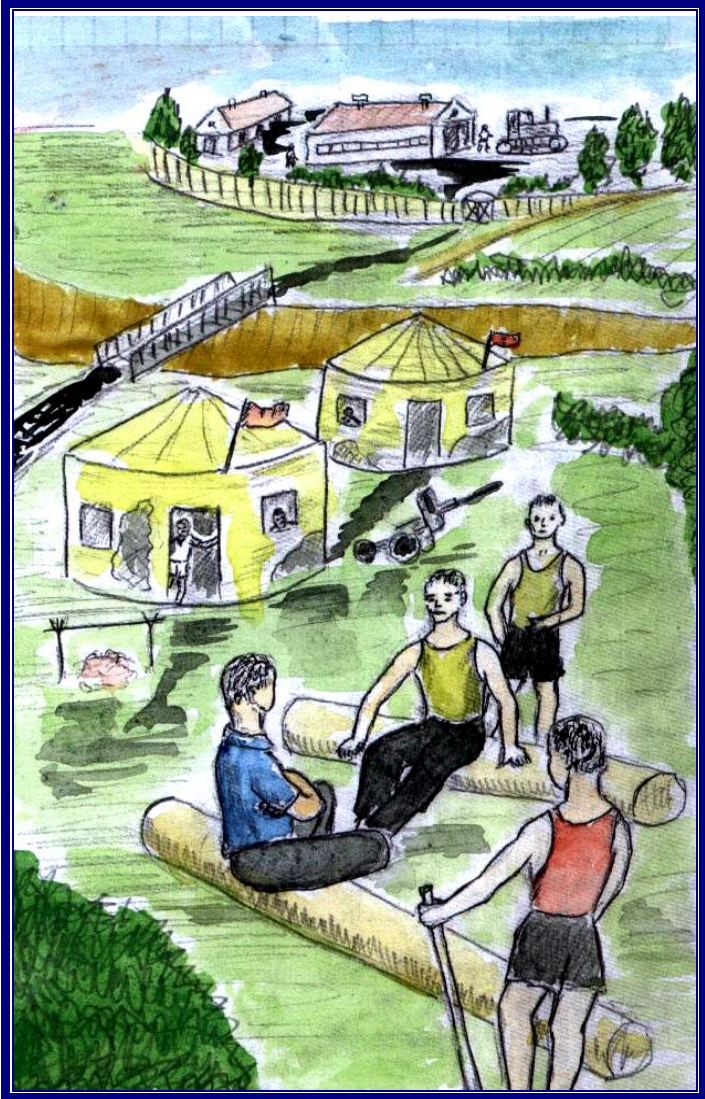
-Вы, наверное, уже и сами видели. Так что теперь нам на базаре делить нечего и друг друга задевать не надо, а наоборот действовать сообща, если понадобится.

Насторожившиеся, было, атаман и Байрак, разом повеселели и даже расплылись в широкой улыбке:

-Да мы и сами про это думали, только вы нас немного опередили....

В этот же день обеим командам было объявлено о перемирии и разъяснены его причины. А назавтра вчерашние противники панинцы и плахинцы дружно шастали в базарной толпе, разыгрывали хитрые комбинации, в результате которых по самую нижнюю губу наливались арбузной и дынной мякотью, набивали карманы и пазухи антоновками, грушами, сливами.

Вволю похозяйничав на базаре, обе команды спускались к речке. Командиры и их боевые соратники рассаживались вместе на привольной поляне. Вовкина команда располагала собственноручно сделанными полными наборами для

игр в городки и клёк, и все дни перемирия на поляне возле строящейся дамбы шли соревнования.

У плахинцев самым лучшим игроком оказался Тагир, который так и остался заместителем атамана вместе с Байраком. Васёк был непревзойдён в команде Панина. Но почти ежедневные тренировки в течение лета давали знать и панинцы уверенно лидировали, а Васёк наголову разгромил Тагира в игре один на один.

Вот что значит тренировка изо дня в день, да ещё всё лето!..

Зато плахинцы были поголовно увлечены стрельбой из луков. Луки они делали из орешника, ивы, клёна. Стрелы мастерили из расщеплённой дранки, наконечники скручивали воронками из консервной жести. Но в боях эти луки не применялись, так как могли нанести серьёзные ранения, а вот для тренировки твёрдости рук, меткости, стрельбы на дальность полёта стрелы - они были даже интереснее городков.

Великое дело – обмен опытом, особенно в ратном деле и панинцы тоже очень скоро научились делать луки, вполне успешно соревнуясь с плахинцами. Но среди обеих команд

здесь не было равных атаману. Вовка хоть и выделялся среди своих, но так и не достиг уровня Витьки Плахина.

По вечерам на поляне разгорались костры. Костры горели на позициях панинцев и до перемирия, так же, как и возле юрт, но в эти дни у костров сидели и травили всякие байки и небылицы вчерашние противники. Главный костёр окружали оба командира, Байрак, Васёк, Шурка и Тагир.

-Слушай, Витёк, за что мы воюем? – однажды завёл разговор Вовка.

-А чёрт его знает. Уже какое лето подряд друг другу покоя не даём...

Витька выловил из угольев дымящуюся картофелину и дул на неё, перекатывая в руках.

-Война началась на базаре, - между тем продолжал Вовка. – Он такой большой, а нам всё места и тогда не хватало и сейчас не хватает...

-Это, наверное, всегда так... Раз есть две команды, значит и война есть.

-Правильно...- вступил в разговор Васёк. – А если не воевать, то зачем тогда команды?..

Подошёл Витька Венедиктов. Он что-то делал в своём огороде, и теперь тоже уселся вместе со всеми. Витькин дом стоял совсем рядом с укрепрайоном и ему вместе с Серёгой чаще, чем другим выпадало охранять землянки и пушки, что они могли делать, просто выглядывая со своего двора или из окон.

Вникнув в чём суть разговора, Витёк развил идею мира дальше:

-А если не воевать, то зачем тогда пушки, землянки, юрты и часовые?..

Вовка понял, что так дело может дойти и до полного разоружения, а за ним и разрушения.

-И в мирное время пушки могут стоять вместо памятников, - твёрдо заявил он. - А в землянках и юртах можно и без войны собираться...

-Гайдар в шестнадцать лет полком командовал в настоящую войну, - разродился небывалой речью Тагир. – Нам вот тоже через два-три года по шестнадцать будет, а мы всё камнями кидаемся, как малышня...

-И правда... Надоело нам ваши юрты раздирать, а вам, наверное, крушить наши землянки и траншеи, - подводил Вовка разговор к главному...

Шурка вдруг уставился на Байрака, сидевшего рядом с ним у костра.

-Да!.. Скоро вдоль оврага нетронутого места не останется!.. Только за это лето вы четыре наших землянки порушили...

-Зато вы одну нашу юрту почти совсем доломали! – вскинулся, было, Байрак.

-Хватит!.. Если мы сейчас начнём выяснять, кто виноват, да кто первый начал когда-то, то не видать нам никакого мира до самого призыва в армию, - резко повысил голос атаман Плахин.

Возле других костров пацанов становилось всё меньше и меньше. Пора было закругляться и командирам.

-Значит ясно. Всем надоело, все за мир.... предлагаю завтра обеим командам в полном составе собраться на этом же месте для окончательного договора о мире, - как мог, торжественно проговорил Вовка Панин.

Перед тем, как разойтись по своим баракам, определили время большого сбора – два часа после обеда...

Мирный договор

На следующий день, когда с обычными делами по дому было покончено, Вовка со своими ближайшими соратниками уединились в командирской землянке, тишина и покой в которой способствовали сосредоточенному мышлению. Надо было до обеда придумать текст мирного договора, как было условлено вчера.

Плахин со своими командирами тоже должны были составить свой договор, а потом уже из двух совместно разработать один, который бы устраивал обе команды.

Керосиновая лампа давала достаточно света, отбрасывая большие тени на земляные стены от склонившихся над столом ребят. На стенах развешаны деревянные автоматы, винтовки, пистолеты. Здесь же висят и недавно появившиеся луки и колчаны со стрелами.

- Начнём с заглавия, - чуть помедлив, начал Вовка. - Какие соображения?.. Раньше были всякие там декреты, манифесты, а как мы назовём свой договор?..

- А что тут мудрить?.. - не дал времени для раздумий Васёк. - Сам же говоришь «договор» - вот пусть так и называется...

Вовка глянул на Шурку и Витьку, которые глубокомысленно молчали.

- Договор о мире - вот и всё. Или лучше - Мирный договор, - поддержал Васёк Шурка. Витька молча кивнул.

- Согласен.... Давай так напомним: «Мирный договор между командами Владимира Панина и Виктора Плахина» - пойдёт?..

- Пойдёт, - один за другим утвердили ребята название договора о мире.

- Тогда пункт первый: сегодня, 22-го августа, заключается мирный договор между командами Владимира Панина и Виктора Плахина. Конец войне, которая продолжалась больше трёх лет...

Долго сегодня заседали ребята. Решали, спорили... солнце на часах возле главного поста уже давно командовало к обеду. Да какой там обед!.. Но вот важнейший документ готов, и Серёга Венедиктов, стуча о железяку на пушке, стал собирать команду, которую Вовка задумал ознакомить с договором заранее, до встречи двух команд. Звон раздавался далеко по всей округе и скоро на поляне собрался весь отряд.

-Ну, как там? – высунулся, наконец, из подземного хода командирской землянки Вовка. - Все собрались?..

-От Альки Наган прибежал, сказал, что они тоже собираются придти... да вон они – уже бегут, - доложил Толян Пименов.

-Вылазь! - оглянулся Вовка в подземный ход.

Двадцать два бойца привычно построились в две шеренги по отделениям, во главе которых встали Васёк Живаев и Шурка Иванчин. Алькина группа из восьми человек составила третью шеренгу.

Вовка вышел вперёд с листом плотного картона в руках. Все внимательно выслушали предварительный текст мирного договора и, конечно же, все выразили шумное одобрение. Но с левого фланга Шуркиного отделения вдруг сделал шаг вперёд Фёдка Тимофеев, который так и не успел повоевать.

-Только пусть зенитку отдадут! – тонко выкрикнул он. – А Байрака за это надо в плен взять!..

Ребята во всех шеренгах весело загомонили в сторону бывшего часового:

-У всех мир, а Фёдка теперь на всю жизнь врага себе заимел...

-Байрак про тебя, наверное, давно забыл, а тебе до сих пор по ночам зенитка снится...

Фёдка понуро встал в строй.

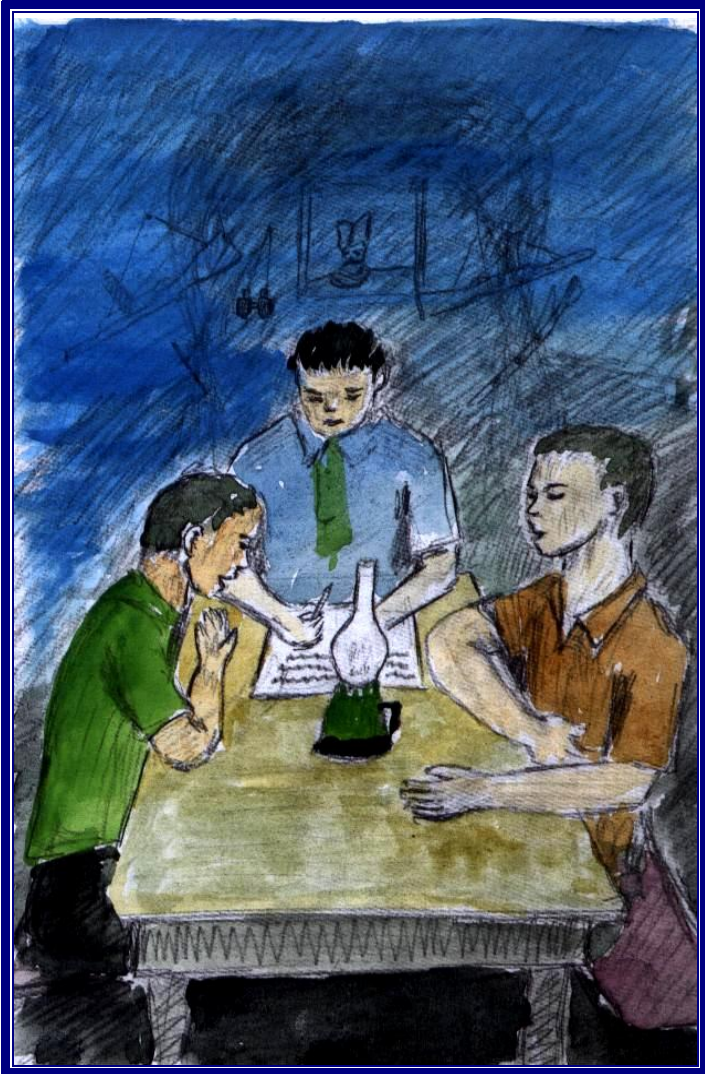
-Ладно, Фёдка, не переживай... в армию пойдёшь – там на учениях с настоящими пушками навоюешься, - утешил Вовка Фёдку.

Вовка ещё раз оглядел строй.

– А сейчас все кто куда, и на обед. В половине второго собираемся здесь. И всем быть в штанах и рубашках и чтобы никого босиком!..

Дружина Витьки Плахина торжественно прибыла точно в назначенное время. У всех через плечо перекинута луки и колчаны со стрелами, на поясах кинжалы, у некоторых и длинные мечи. Вовка заметил своё упущение и подал знак Шурке и Ваське.

Из землянок быстро разобрали автоматы, винтовки, пистолеты. Берданку без затвора и каску взял Васёк. Когда команды построились напротив друг друга, стало хорошо видно, что панинская команда, вооружённая стрелковым оружием всё-таки больше походит на отряд регулярных войск

Зато плахинцы и впрямь были настоящими партизанами со своими луками и мечами.

Перед построением оба командира с заместителями не спеша сопоставили свои договоры, в которых принципиальных различий обнаружено не было. После доработки Совет Мира, в который вошли все командиры, в том числе и Алька Арсланов, поручил Вовке зачитать текст согласованного договора перед двумя, ещё совсем недавно противоборствующими сторонами, который прозвучал так:

-Первое: Все пацаны из команды Панина могут спокойно и всегда проходить по территории команды Плахина. Так же и все из команды Плахина могут запросто ходить по территории команды Панина, в том числе и по лесам.

-Второе: Если на команды Панина или Плахина нападёт какая-то неизвестная команда, то обе команды обороняются вместе.

-Третье: Если кто-то из любой команды затеет драку между собой, то по шее получают все драчуны, независимо от того, кто первый начал.

-Четвёртое: Обе команды не затевают никаких секретов и военных тайн друг от друга

-Пятое: Если одна из команд будет чем-то недовольна, то вопрос решается только мирным путём с переговорами.

-Шестое: Если сегодня у кого-то ещё остались обиды или зло, то всё забыть, несмотря ни на что.

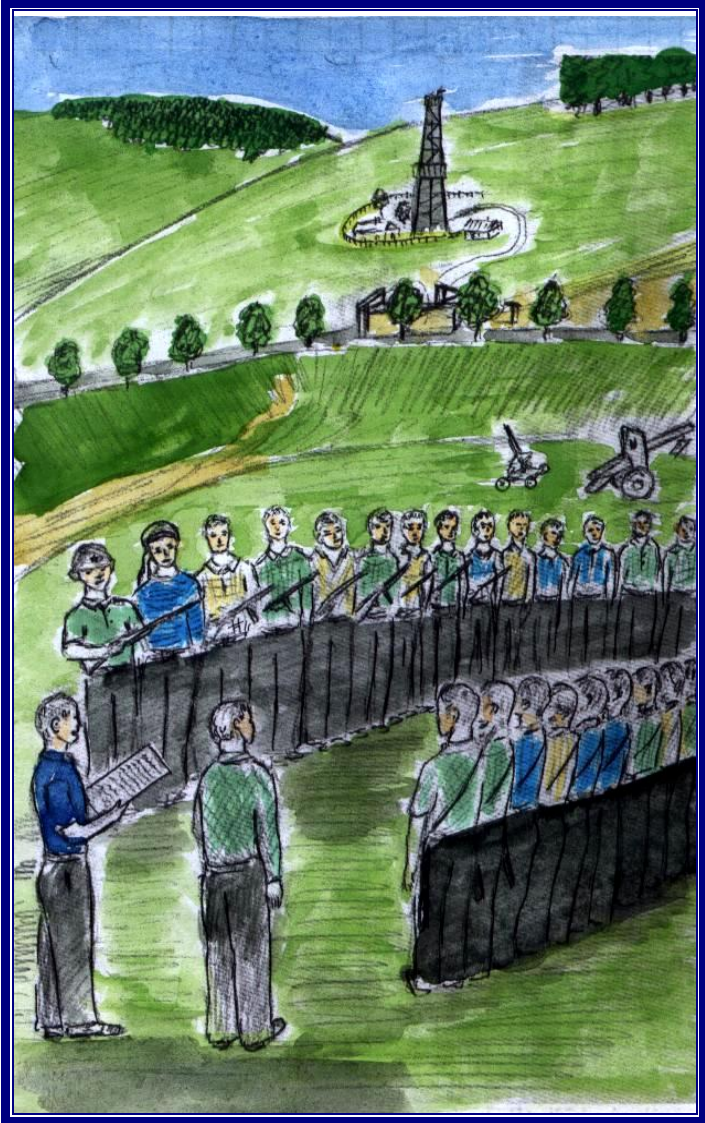
-Седьмое: Команды могут оставаться каждая в своём составе и со своим оружием, а также проводить военные учения и тренировки.

-Восьмое: По желанию обеих команд на территории панинцев или плахинцев могут устраиваться соревнования по городкам, стрельбе из лука и другие соревнования.

-Девятое: Обе команды содержат в чистоте и порядке территории возле юрт и земля-нок, а также на полянах и в лесах.

-Десятое: Сегодняшний мирный договор начинает действовать сразу после его подписания.

Когда Вовка закончил читать, на пустыре раздался такие крики и даже вопли – прямо как во Дворце съездов после выступления самого главного правителя страны. Можно было подумать, что война принесла пацанам столько лиха и беды, что хуже уже некуда. Особенно орали плахинцы, которые, наверное, об этом договорились заранее...

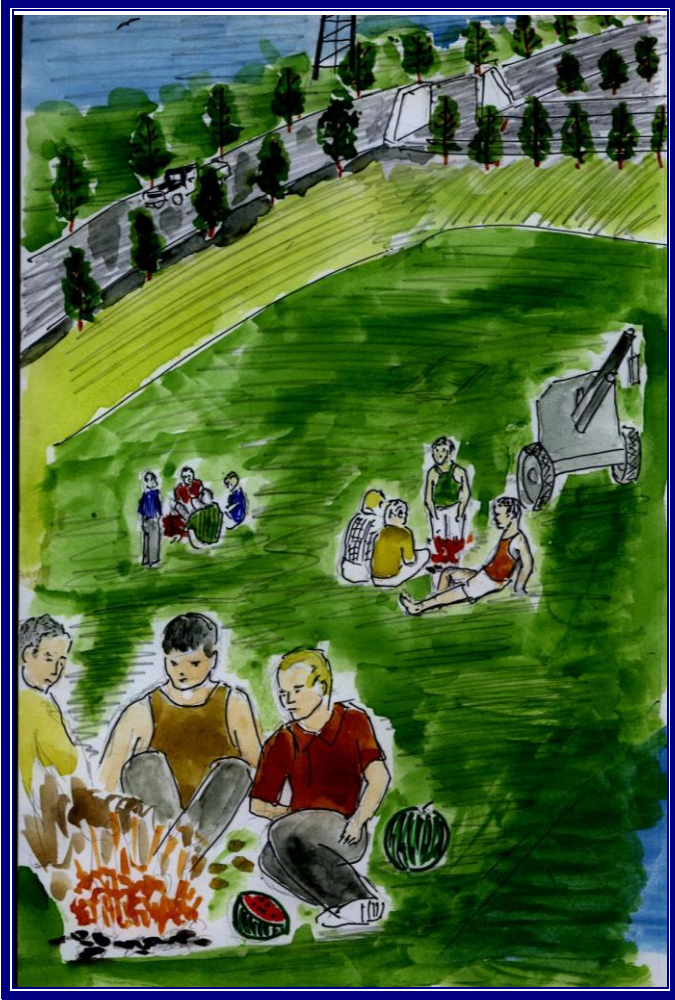

Нечего и говорить, что все пункты Мирного договора были приняты единогласно. Подписи под ним поставили два командира и их заместители от каждой команды, а также Алька Арсланов – командир отдельной группы. Вместо печатей сгодились чернильные оттиски больших пальцев

В этот день до позднего вечера горели костры, Возле всех костров настало время воспоминаний. А вспомнить бывшим ловцам военного счастья на улице Овражной было о чём...

И, как всегда, у всех никогда не надоедающая печёная картошка и чистая родниковая вода из собственных родников.

Разошлись только, когда мать Венедиктовых разразилась громким криком с высокого крыльца своего дома....

Панинцы Витька Венедиктов

Параллельно улице Донской с другой стороны базара к Первому посёлку спускалась улица Ленинградская. Правда, на улице этой не было ничего, что хотя бы отдалённо напоминало одноимённый город, но зато здесь стоял знаменитый «синий» магазин. В этом магазине продавалось то, что вот уже многие века подряд сильно интересует многих из не лучшей половины человечества.

В дни получек соседний скверик, усаженный кустарниковой акацией, сплошь занимали кучки гуляющих. «Гуляли», усевшись в кружок числом от трёх и более человек. Изрядно поддав, некоторые усердно затягивали «Ой мороз, мороз...» или «Бродяга, судьбу проклиная...»

В такие дни малышня шныряла рядом, перехватывая друг у друга порожняки зелёного стекла. Достаточно нагрузив карманы, пазухи и просто руки, бежали в тот же синий магазин, где всегда можно было в обмен на стекло прикупить конфеты, печенье или лимонад с морсом.

А от магазина устремлялись пировать на берег недавно заполненного большого пруда, который открывался под спуском в конце улицы Ленинградской. Пруд со времени его заполнения, ещё до заключения мирного договора, стал безоговорочно мирной зоной не только для плахинцев и панинцев, но и для всей другой детворы, которая пока не была организована в такие монолитные команды.

А тут плыви куда хочешь – и вдоль и поперёк...

Самым способным плавать оказался Витька Венедиктов. Очень скоро он уже запросто переплывал пруд, правда, в не самом широком его месте. А вот у Вовки получалось плохо. Наверное, потому, что состоял он в основном из костей, а кость всё-таки гораздо тяжелее воды. Ему оставалось только восхищаться и завидовать Витьке, который заленившись или

улав, мог лечь на спину и легонько покачиваться на тёплой прудовой воде.

Однажды Витька в очередной раз махнул на «тот берег». Вовка в этот день тоже почувал необыкновенный прилив сил, и пруд ему показался совсем не таким большим, как раньше. Он уже много раз проверял себя, вымеряя саженками расстояние вдоль берега и сегодня был уверен, что переплывёт его вслед за Витькой.

Сначала всё было хорошо. Ласковая, прогретая солнцем вода мягко струилась вдоль тела, слегка завихряясь за ногами. Вовка старался не делать резких гребков, экономя силы. Он думал:

«Пусть не так быстро, как Витька, но зато меньше устану»

Оглянувшись, Вовка увидел, что свой берег тихонько отдаляется. На песке валялись Васёк с Шуркой, некоторые пацаны что-то строили из песка вперемешку с глиной, из которой, в основном, и состояли оба берега.

Витька впереди был уже далеко. Его угольно чёрная голова уверенно приближалась к противоположному высокому обрыву. Вовка же вдруг заметил, что «тот берег» совсем не приближается, но оглянувшись ещё раз, убедился, что и до своего берега теперь уже далеко.

«Середина» – подумал Вовка и кольнувший было страх исчез.

Продолжая махать ладонями, сложенными в утиные лапки, он до боли всматривался в крутой глинистый откос, словно пытаясь силой взгляда приблизить его к себе, но вместо этого берег, казалось, наоборот отдаляется. Вовка попытался перевернуться на спину - «а вдруг получится, как у Витьки», но вода сразу перестала держать его, и снова пришлось быстро вернуться животом к воде и продолжать грести уставшими руками.

Наконец, Вовка придумал оторвать взгляд от крутого берега и опустить голову ближе к воде. Болезненное напряжение в шее сразу пропало, плыть стало гораздо легче, а когда он очередной раз вскинул взгляд, то красно-рыжий берег оказался совсем рядом.

От долгожданной радости он резко встал солдатиком и... сразу же пошёл ко дну, захлёбываясь тёплой, ставшей вдруг противной прудовой водой. Бешено замолотив руками и ногами, Вовка вынырнул на поверхность. Этот берег оказался совсем не таким, как свой, который был пологим и где

можно было до глубины идти пару десятков метров.... А тут - вот он берег, а дна нет как нет. От такого внезапного потрясения последние силы быстро покинули Вовку.

Сидевший на берегу Витёк, наблюдал за ним, болтая ногами в воде. Он вовремя заметил и понял странные Вовкины нырки, сразу же бросился навстречу, резко плюхнувшись всем телом. До Вовки и в самом деле были считанные метры, Витька скоро схватил его за плечо.

Почувствовав поддержку, Вовка успокоился, и через минуту они воткнулись в глинистый ил «того берега», который на короткое время стал «этим». Выбравшись из воды и отдышавшись, Вовка хрипло произнёс:

-Ну и глубина... я уж думал что утону... знаешь, как испугался...

-Да тут на метр от берега и уже с головой, а то и с ручками!

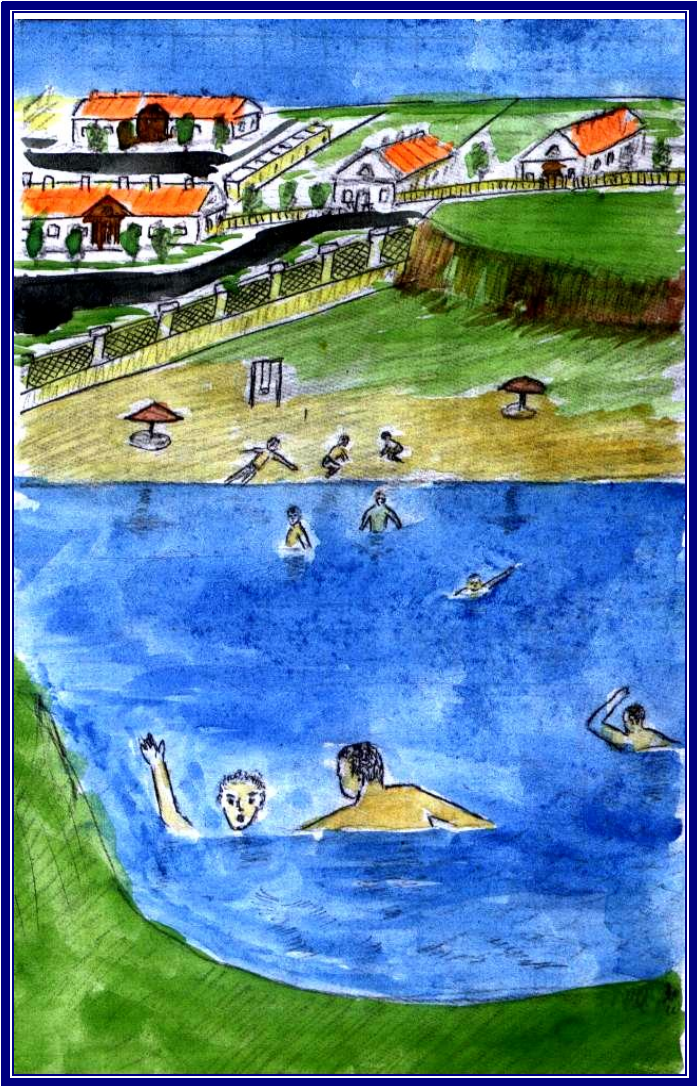
На пацанском жаргоне это означало, что до дна не достать, если даже вытянуть руки над головой.

Полежав минут десять, ребята пошли по сухопутке вокруг пруда на свой берег, где всё так же безмятежно развлекались кто во что горазд остальные пацаны. Никто не видел, как Вовка «махнул» вслед за Витькой на «тот берег», не видели, как он чуть было не утонул, не видели, как Витёк спас своего командира. Немного позднее Вовка сам рассказал Ваське и Шурке про свой заплыв и после этого долгое время Витёк ходил в заслуженных героях.

Венедиктовы жили точно в такой же двухкомнатной квартире барака, только через коридор напротив. Кроме троих детей и родителей вместе с ними жили ещё бабушка и дедушка. В бараке ни у кого больше бабушек и дедушек не было и, наверное, поэтому самые старшие Венедиктовы для всей местной детворы стали дедакой и бабакой.

Дедака бороды не носил, вместо неё у него была роскошная седая шевелюра на крупной голове с широкими и чуть прямоугольными плечами. Дедака был уже на пенсии, до которой всю жизнь столярничал. Он делал мебель, и не только для своей семьи, но и многие из барака могли похвалиться ручной работой умелого столяра. Да и брал дедака за свою работу гораздо меньше, чем за такую же мебель требовали в магазине.

В дворовой сараюшке у дедаки была самая настоящая столярная мастерская с большим верстаком и множеством

самого разного инструмента. Вот здесь-то в основном и «ковали» своё личное стрелковое и холодное оружие панинцы. Дедака не только разрешал работать своим инструментом, но и помогал подобрать подходящий кусок доски для винтовки или автомата из своего запаса, горой возвышающегося вдоль наружной стены сарая. Он даже самолично выпиливал самые сложные детали для благодарной пацанвы, которая потом помогала старому столяру наводить порядок не только в мастерской, но и далеко вокруг сараев....

Бабака была на две головы ниже дедаки. Она едва вытягивала чуть за половину его роста. И вообще была самой крохотной женщиной в бараке. У бабаки на столе всегда стоял горячий самовар и братья, а с ними частенько и Вовка, и Васёк с Шуркой, надувались из пузатого самовара, стараясь перешеголять друг друга в количестве выпитых стаканов в прикуску с коврижками. Их тоже постоянно пекла бабака...

Несмотря на самый маленький рост, бабака была очень серьёзная, и даже воинственная женщина. Однажды Вовка сам видел, как бабака колошматила своего дедаку, который смастерил очередной заказ и, наверное, выпил с заказчиком магарыч. Дедака стоял в коридоре барака, чуть покачиваясь, а бабака с размаху била его по щекам, высоко подпрыгивая с пола.

-Алкашка старая! – кричала бабака. – Дома бражки целая бочка стоит, а его на улицу тянет водку пить!...

До самого конца экзекуции дедака стоял, опустив руки и закрыв глаза. А потом пошёл спать в свою мастерскую.

Отец Венедиктовых был инвалидом войны. Наверное, поэтому очень скоро Венедиктовы из барака перебрались в большой финский дом на берегу речки, оставив дедаку и бабаку единственными хозяевами в большой комнате с кухней. От барака до нового дома не было и пятидесяти метров и всё под горку, так что по сути Венедиктовы никуда не уехали от своих друзей.

Они всё так же много времени проводили у дедаки с бабакой, которые теперь, оставшись вдвоём, явно скучали по каждодневному с утра до вечера шуму и гаму в комнате и в кухне.

Вскоре после переезда в новый дом к Венедиктовым с далёкого Урала приехала ещё одна бабушка, на этот раз по линии матери. В отличие от бабаки из барака, она наоборот была очень высокой и крупной женщиной. Само собой её

стали называть бабака большая, а другая так и осталась бабакой маленькой.

Иногда две бабаки ссорились по-родственному, и было уморительно смотреть, как две совершенно разные женщины выясняют отношения, при этом почти всегда верх почему-то брала бабака маленькая.

Отец Венедиктовых – дядя Вася работал часовым мастером, и у него была своя мастерская возле ворот недавно открывшегося колхозного рынка. Рядом с его мастерской стояли ларьки с морсом и лимонадом и братья с друзьями нередко забирали у отца целые кучи мелочи и теперь уже вместо чая надувались сладкой шипучей водичкой.

Дядя Вася частенько катал ещё голопузых братьев вместе с их друзьями вниз по Ленинградской и вверх по Донской и вокруг базара сначала на трёхколёсном инвалидном мотоцикле, потом на маленькой машинке с брезентовым верхом, который дядя Вася снимал, чтобы влезло как можно больше детворы.

Но дядя Вася рано умер, оставив матери и стране трёх крепких, смугловатых ребятишек, младшему из которых ещё долго предстояло агукать в люльке и ходить на горшок.

Ещё при жизни дяди Васи вокруг дома разгородили большой огород, в котором со временем подросли кусты малины, другой ягоды, а позже даже яблони, которыми всегда угощались друзья братьев Венедиктовых. Поэтому часто ежедневные огородные дела делали все вместе, особенно весной и осенью, когда надо было вскапывать всю огородную землю вокруг.

Но самой большой работой стала заготовка дров на зиму. Тётя Клава – мать Венедиктовых работала на каких-то нефтяных складах и ей, как вдове инвалида войны, была положена помощь от государства, в том числе и в виде множества больших брёвен, которые грузовики вываливали под забор Венедиктовых.

Хотя жильцы всех барачков тоже заготавливали дрова, но Вовка и Васёк всегда находили время организовать большой аврал по заготовке дров у Венедиктовых. Пацаны постарше пилили брёвна на короткие чурбаки, чтобы их было легче колоть, сами же и кололи, а малышня складывала готовые дрова в большие поленицы.

Целых два, а то и три дня шумели пацаны возле подворья Венедиктовых. Когда работа заканчивалась, мать с

большой бабакой устраивали для всей пацанвы праздничный обед с большой бадьёй сладкого и вкусного компота.

А через дом от братьев в домике поменьше и тоже недавно стал жить Шурка Иванчин вместе с сестрой, младшим братом и родителями.

Шурка Иванчин

В команде Шурка был вторым заместителем Вовки после Васьки Живаленко, правда, сам Шурка этого не признавал, держал себя независимо и Ваське не подчинялся. Они часто спорили: кто из них сильнее и ловчее?.. Но доказать чьё-либо превосходство никак не получалось.

По характеру Шурка был спокоен, сам никогда не задирался, но при случае всегда мог дать отпор. Его крепкая светловолосая голова была украшена огромными голубыми глазами с длинными ресницами. Однако, при такой внешности он почему-то свирепо ненавидел девчонок, которых, впрочем, в обеих командах и не числилось.

Шуркины родители, как и Вовкины, держали корову, и ребятам частенько приходилось пасти их на больших окрестных полянах. Развалившись в мягкой и душистой, звенящей и шуршащей всякими малявками траве, они смотрели в небо, провожая взглядом облака.

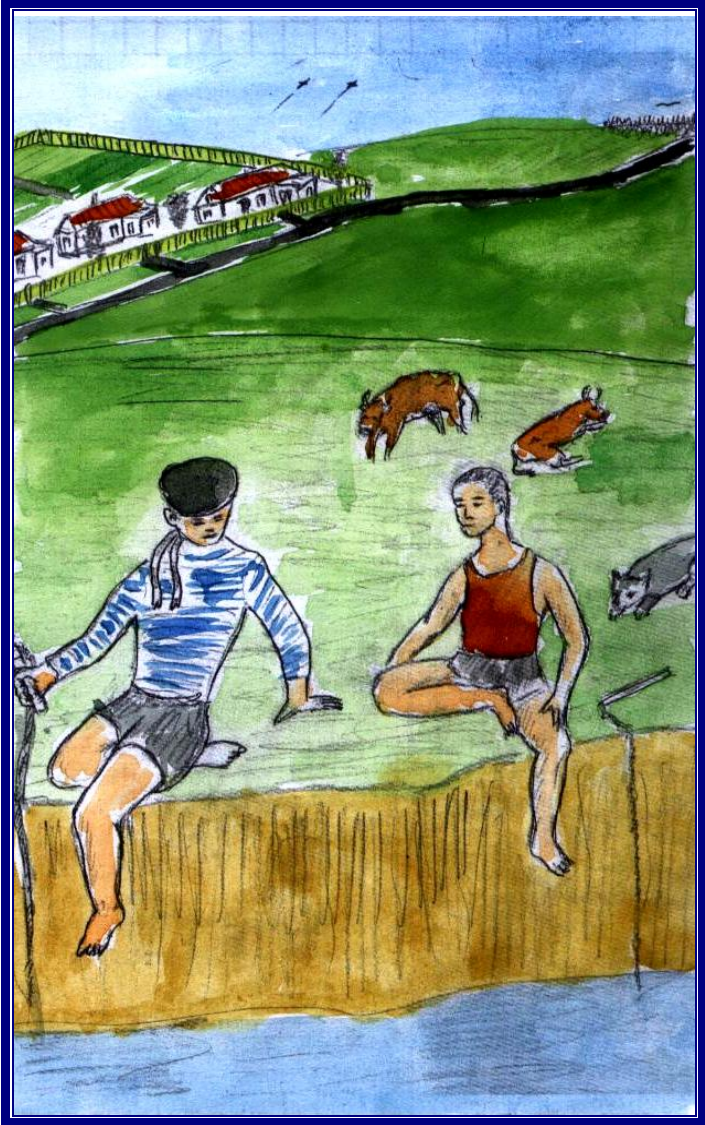
Больше всего им нравились белые кучевые облака, в которых всегда можно было разглядеть чьи-то добрые и страшные лица, разных животных и птиц, а чаще всего каких-то сказочных чудищ. Лица, звери и чудища стремились куда-то, подгоняемые тёплым ветерком, и постепенно меняли формы. Из летящей птицы могла вдруг получиться безобразная баба-яга с метлой, из улыбающейся хрюшки вдруг выползал дымящий паровоз.

Иногда небо расчерчивалось реактивными самолётами. Тугие белые струи постепенно тоже расплывались, превращаясь в вереницу белых барашков, пасущихся среди чистой и спокойной небесной голубизны.

-Вовк, а ты кем хочешь стать, когда вырастешь? – глядя на серебристые самолётики, спрашивает Шурка.

-Или лётчиком или геологом... Я природу сильно люблю. Можно и лесником, - не может определиться Вовка.

Вовка и в самом деле пока не задумывался о своём будущем, хотя втайне он мечтал стать настоящим командиром.

-Я тоже природу люблю, - повернулся к нему Шурка. - Но хочу и мечтаю стать моряком – как дядя Андрей...

...Старшая сестра Шурки Иванчина – высокая девушка с длинной косой и лицом настоящей русской красавицы, была пределом мечтаний для многих молодых зеленогорцев, но она, как гриновская Ассоль, ждала своего капитана.

И он появился!.. Невесть откуда в Зеленогорске, от которого до ближайшего моря тысячи и тысячи километров, вдруг затрепыхались ленточки гвардейской бескозырки, ярко заголубел гюйс белоснежной форменки, закружились чёрные клёши на танцевальном пяточке. Это с далёкого Тихого океана майской весной демобилизовался и приехал выкачивать волжскую нефть Андрей Носов.

Местные парни сразу осознали, что это и есть «Райкин капитан», и никаких драк не затевали, когда однажды, а потом всё чаще, они стали появляться на зеленогорских пяточках вместе. Скоро прогремела свадьба, и Шурка стал счастливым обладателем настоящей морской тельняшки и гвардейской бескозырки, а вместе со всем этим и мечтой о синем море и кораблях...

Андрей из общежития перешёл в Шуркин дом, где молодым отгородили маленькую веранду с узорными окнами. С появлением такого замечательного человека на улице Овражной, Вовка с ближайшими соратниками почти все вечера были в Шуркином дворе, куда часто выходил Андрей, крутил «солнце» на смастерённом им турнике, а потом рассказывал друзьям всякие морские байки.

Когда Андрей уходил в дом, Шурка раскрывал большой фотоальбом о днях службы на флоте, с которым он вставал с койки и ложился спать. Ребята, в который уже раз, но с тем же неослабным интересом, разглядывали разные пароходы, корабли, скалистые берега, весёлых белозубых моряков.

Шурка наизусть выучил каждую фотографию и каждую сопровождал подробным комментарием. Тогда он и стал называться Шурка-моряк...

Детские мечты о море получили своё продолжение, но его величество случай распорядился так, что через несколько лет в мореходку поступил Вовка Панин.... Шурке же пришлось увидеть океанские просторы только во время службы на Камчатке, где и встретились два друга. Но к этому времени Вовка уже успел побывать в трёх полугодовых рейсах в северных и центральных широтах Тихого океана...

Алька Арсланов

С Алькой Арслановым Вовка учился вместе с первого класса, а сдружились они с ним, получше узнав друг друга, уже где-то после третьего класса. И только потому, что постепенно у них обнаружались общие интересы, особенно по технической части, что и скрепило их дружеские отношения на долгие-долгие годы. Жил он в финском доме возле пожарной, а это совсем не близко, что в какой-то мере влияло на сравнительно редкое его участие в делах панинской команды.

Вовка быстро познакомился и с Алькиными друзьями, из которых, не без его содействия, сразу же был сформирован отдельный отряд под командованием Альки. Само собой, этот отряд часто помогал, особенно в критические моменты, панинской команде в боевых действиях против ватаги атамана Плахина.

Вовка с Алькой учились хорошо, а Вовка до пятого класса был даже почти отличником. Занимали они всегда одну из последних парт, о которых Вовка позже узнал, что их называют «камчаткой». И не только в зеленогорской школе, но и во всей нашей необъятной стране. Наверное, потому, что задние парты находятся на самом далёком расстоянии от учителя и прозвание этим партам дали именно они.

Как и Вовку, Альку школьная жизнь с её пионерскими сборами, хоровым пением после уроков, коллективными походами в кино или на ближайшую опушку леса, интересовала мало. Ребята привыкли сами безраздельно командовать своим свободным временем.

Алька – густо чернокудрый и смуглый – был тихим и спокойным, но при этом вполне подвижным и ловким мальчишкой, а его угольно – блестящие глаза всегда излучали интерес к необычному, и собственное соображение.

Сам Алька больше всего любил ковыряться в старых радиоприёмниках, электрических приборах, которые он находил неизвестно где. Как раз к третьему классу он уже запросто собирал детекторные приёмники, а чуть позже мог притащить в класс с виду обычный учебник, из которого раздавались тихие звуки какой-либо радиопередачи.. Тем самым он приводил в великое изумление учительницу и весь класс.

Вовка тоже любил возиться с железяками, но его больше привлекало всё то, что хотя бы отдалённо было связано с автотехникой. Но даже велосипеды были пока

большой редкостью и роскошью и повальным увлечением пацанов стали гонки на самокатах.

Самокат представлял собой сплошь деревянную конструкцию с подножкой и высоким рулём. Вместо колёс под подножкой приспособляли подшипники, которые в изобилии валялись в огромных кучах металлолома на местной станции. Чем больше подшипники, тем лучше проходимость. Когда самокат катился по старому, затвердевшему асфальту, то на всю округу раздавался громкий визг, а на колдобинах из-под подшипников иногда вылетали снопы искр. На таком транспорте пацанам ничего не стоило махнуть на рыбалку на Зай или куда подальше.

Алькин отец – бывший военный лётчик и сам был заядлый любитель мастерить. Он оборудовал на веранде прекрасную мастерскую с разнообразным инструментом, в которой всегда разрешал ребятам работать по своим делам.

Как-то, сразу после обеда, Вовка подкатил на самокате под Алькину калитку.

-Вчера Наган с братом к дядьке в Сугушлу ездили, - возбужденно встретил его на крыльце веранды Алька. – Они на Шешме возле Петропавловки вот таких голавлей и пескарей наловили!..

-Да!.. На Заю в тот раз и то большая рыба по воде хлопала, а Шешма речка побольше! - сразу загорелся Вовка. – Давай махнём в Глазово на самокатах – там и порыбачим и в пещеры спустимся, может, и в склепе покопаем...

Про пещеры и склеп друзья услышали от одноклассников, которые побывали этим летом в тамошнем пионерском лагере. Их водили на экскурсии по интересным местам, но в пещеры, конечно же, спуститься не разрешили.

-Надо у Нагана спросить: на что они ловили голавлей, - сразу решил действовать Алька. - Да вон он и сам - в огороде огурцы рвёт.

-А я поеду другим ребятам скажу! – схватился Вовка за самокатный руль.

Вихрем спустившись по асфальтовой горке от пожарки к своим землянкам, Вовка обнаружил Шурку и Ваську, которые что-то ковыряли в своих самокатах, разложив вокруг разнообразный подручный инструмент.

Они сразу подхватили идею, а Васёк и вовсе предложил:

-Ехать, так с ночёвкой. И порыбачим как следует, и в пещеры успеем слазить, и склеп посмотреть...

-Пусть едут все, кто захочет и все на самокатах! – распорядился Вовка. – А поедем через Ивановку на Глазово – там дорога, говорят, лучше укатана...

Остаток дня посвятили сборам. К походу, конечно же, присоединились братья Венедиктовы, Алькин главный помощник и сосед Наган, который такое прозвище получил от настоящего имени – Нагим, и другие пацаны - всего восемь человек. Родители особенно не перечили, так как подобные походы были не редкость. Правда, до этого времени ребята в основном совершали поездки на Зай, до которого было гораздо ближе...

Поход Кавалькада

В Зеленогорске летом светает рано и солнце уже всю брызгало пока нежаркими лучами, когда команда самокатчиков собралась в своем укрепрайоне. После короткого совещания с уточнением предстоящего маршрута, двинулись самокатной оравой по затяжному подъёму. Грохот подшипников перебивал даже шум редких ещё первых грузовиков. На руле у каждого болталась сетка или брезентовая сумка с провизией, только у Вовки и Альки через плечо висели настоящие полевые сумки.

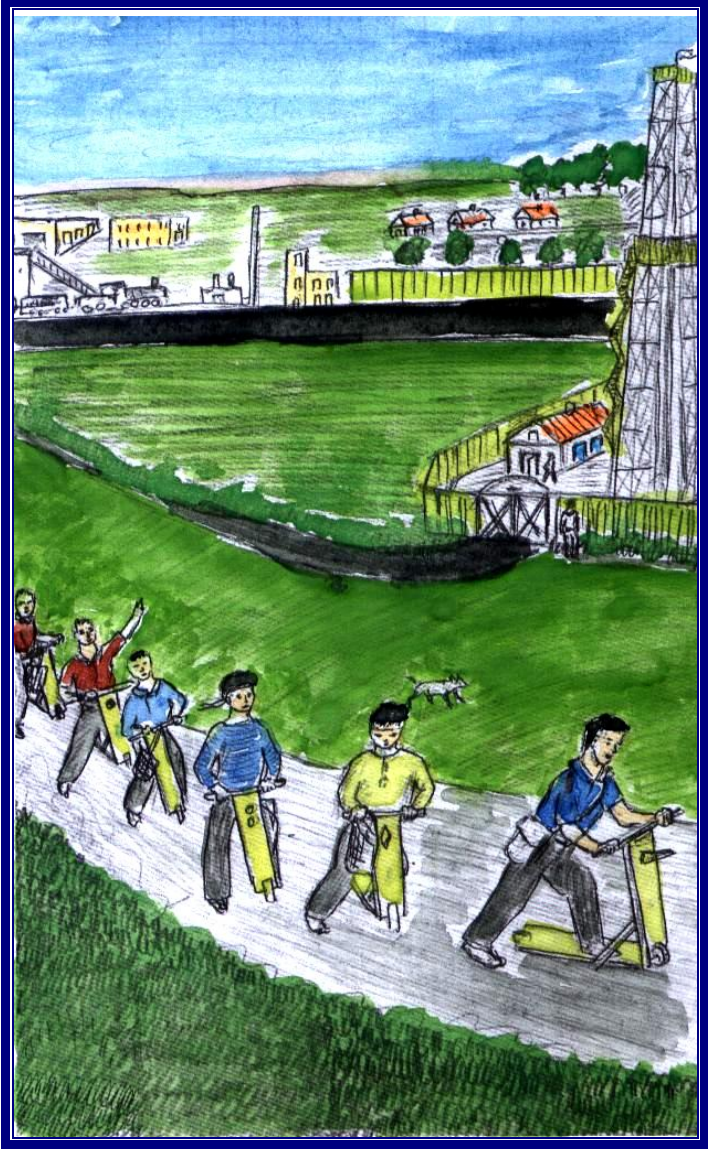
Вовка сумку выменял за хороший кусок сала из домашних запасов у одного стройбатовца, которые всё время что-то строили в посёлке. Алька же гордо носил сногшибательную офицерскую сумку с планшетом во все походы. Досталась она ему от отца. Чего только не было в этой сумке – от множества отделений с карманчиками для карандашей, до настоящего лётного компаса!..

На свежие силы километровый подъём был взят при бурном энтузиазме и на одном дыхании. Скоро форсировали стальные полосы железнодорожного переезда. А вот и поворот на село Ивановка, от которой недалеко старинная деревня Глазово.

Грунтовка была укатана почти так же твёрдо, как асфальт, даже колдобин на ней было меньше, и подшипники мягко шуршали по дороге, не заглушая весёлого ребячьего гомона. Почти взрослый щенок, обещавший в скором будущем стать хорошей овчаркой, шнырял между самокатами. Он сопровождал братьев Венедиктовых, а вместе с ними и остальных путешественников.

-Барсик, лови! – кидал кто-нибудь из пацанов палку, но тот бежать за палкой не торопился.

Зато когда бросал Венедиктов–старший, то Барсик стремглав летел за палкой и отдавал её только хозяину.

Витёк, на полном серьёзе почти всё свободное время занимался с ним дрессировкой, посмотревшись фильмов о пограничниках.

-Буду проситься служить в пограничники, когда вырасту, - говорил Витёк, отработывая со своим питомцем всё новые и новые команды.

...До ивановского спуска дорога была почти ровной, но вот и спуск, крутизна которого сверху показалась чуть ли не обрывом. Тормозом на самокатах в обычные дни служила одна из затвердевших пяток. Пацаны, за редким исключением, всё лето бегали босиком, но сегодня по случаю похода все были обуты кто во что горазд.

Первыми вниз устремились Вовка и Васёк. Их тяжёлые самокаты быстро набирали скорость, но ребята гасили её, упираясь в твердь дороги сандальными пятками. В конце спуска был крутой поворот, вписаться в который деревянная техника никак не хотела, но наездники всё-таки сумели обуздать своих скакунов и плавно докатились до бревенчатого мостика через большой ручей.

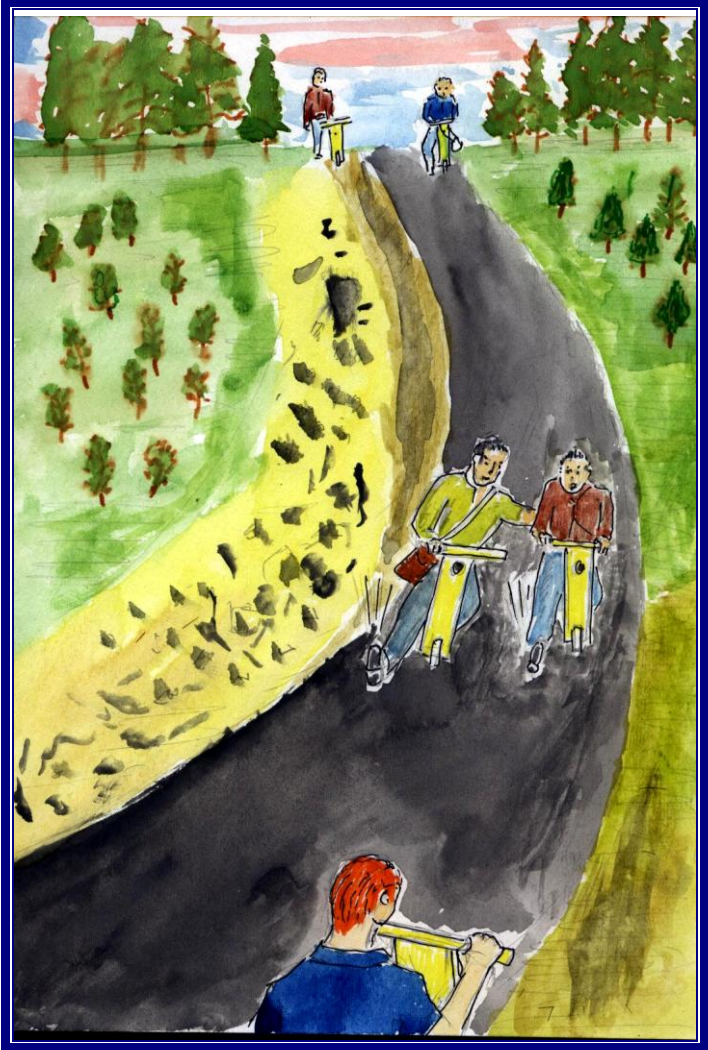
За ними без особых приключений спустились многоопытные Шурка Иванчин и братья Венедиктовы с Барсиком вдогон. На старт встали Алька и Наган. Наган был одним из самых маленьких в отряде, но самокат ему сделал старший брат такой же мощный и грозный, как у Альки. Вот тут сказало отсутствие опыта и силёнок. Тяжёлый самокат Нагана, несмотря на его попытки тормозить, помчался вниз, не слушая своего хозяина

-Упадёшь в овраг!.. Разобьёшься!.. – кричал сзади Алька, но Наган ничего не мог поделать.

Алька вместо торможения начал наоборот поддавать толчками и стал догонять Нагана, развив бешеную скорость. И только возле самого поворота, в который Наган конечно же не вписался бы, а прямой наводкой улетел в овраг, Алька смог уцепиться за руль переднего самоката, одновременно всеми силами затормозив.

Оба самоката закувыркались в овраг, Наган с Алькой раскорячились по обеим сторонам дороги. Снизу бежали пацаны которые уже спустились.

...Маленький и легонький Наган, упав на размытый дождями песок, почти не пострадал, зато Алька попал на камни, усеявшие другую сторону дороги... Правый локоть сильно кровоточил, нога содрана от колени до ступни.

Хорошо голова не задела о камни. Вокруг Альки тесно сгрудились ребята.

-Что будем делать? – спросил всех Вовка.

Пацаны молчали, глядя на Альку.

-Как, сможешь дальше ехать? – повернулся Вовка к раненому.

Ему уже оказали первую помощь. У самого Альки и Серёги Венедиктова под рубашками оказались майки, их располосовали на бинты, под них подложили хорошо размятые листья подорожника и туго, но в меру затянули.

-Попробую... - слегка хромая прошелся возле ребят Алька.

-Да... Молоток Алька, - нешумно переговаривались пацаны, глядя на острые коряги в глубине оврага. – Если бы не он – капец Нагану...

Наган уныло переминался с ноги на ногу, тоскливо глядя куда-то в сторону. Он явно испытывал угрызения. Алька тронул его затылком рукой по голове:

-Ладно, не переживай... до свадьбы заживёт...

Пришлось повозиться с самокатами, пока доставали их из глубокого оврага. Но громоздкая техника почти не пострадала, только подшипники залепило грязью. Их промыли из бензиновой склянки, забили свежим солидолом, жестянки с которой постоянно возили все пацаны. Путешествие продолжалось.

Рыбалка

Большую деревню Ивановку, которая открылась сразу под горой, проехали по единственной, широкой улице. На проезжей части местами остались следы ещё булыжной мостовой. По булыжникам на самокатах ехать просто невозможно и ребята спешили. Но самокаты и на холостом ходу вели себя очень шумно, чем взбудоражили десятки собак, не только с центральной улицы, но и со всех переулков.

Несколько собак без привязи громким лаем с обеих сторон сопровождали невиданных в этих краях путников. Барсик пытался огрызаться, но он понимал численное превосходство чужаков и далеко от братьев не отбегал. Шумное сопровождение под стать шуму от подшипников, отстало только, когда миновали сельское кладбище с полуразвалившейся часовенкой.

Дальше грунтовая дорога, напрямик вела к пионерскому лагерю, не доезжая которого наткнулись на большой родник. Здесь и устроили первый привал.

От родника в сторону лагеря и вдоль ручья тянулась широкая вырубка, засаженная ровными рядами молоденьких сосенок.

-Здесь вода даже вкуснее, чем из нашего родника, - уплетая яйца и огурцы с хлебом, переговаривались ребята.

-Кругом лес, вот она и набирает соков от разных деревьев и трав, а может даже и от ягод...

Из лагеря донеслись звуки пионерских горнов и барабанов, которые пацаны восприняли, как сигнал к концу привала, да и всем хотелось поскорее добраться до Шешмы.

По лагерю решили не ехать, и обогнули его по верхней дороге. Сквозь огромные сосны на территории лагеря просматривались несколько таких же бараков, как в посёлке. Но интереснее всего были туго растянутые на кольях большие палатки, между которыми туда-сюда сновали пионеры и что-то кричали их вожатые.

-А нам всё же лучше, чем лагерным. Хотим на Зай едем, хотим на Шешму, а у них всё по режиму. Даже тихий час бывает: не хочешь спать, а всё равно спи, - бодрясь, обменивались между собой вольные казаки, которые заметно приустиали. Перевалив, наконец, заросшую глухим лесом высокую гряду, за которой скрылся лагерный муравейник, эскадрон спустился в село Глазово, названное так по имени живших когда-то здесь помещиков с такой фамилией.

В остатках бывшего барского дома сейчас размещался то ли склад, то ли амбар, а вдали, на длинном холмистом склоне, белели развалины большого склепа, по периметру которого росли четыре одинаково старые берёзы, явно рукотворного происхождения.

«Когда-то тут барчуки бегали, а за ними гувернантки присматривали, - не мог не подумать Вовка. - И барин на таратайке раскатывал по этим же местам...»

Само село тоже разбросано по холмистым берегам речки Шешмы без всякого порядка. Возле домов, многие из которых ещё крыты стародавней соломой, кое-где сидели старички и старушки, чуть поодаль кое-где бегала малышня.

Завидев кавалькаду, малышня, остолбенев, разевала рты и только медленно крутила головами вслед. Здесь, также как и в Ивановке, отряд был надолго окружён дружным со-

бачьим лаем, но ребята лишь молча отмахивались подобранными палками от надоедливых дворняг.

Спустившись из Глазово вдоль берега Шешмы, стали выбирать место для стоянки. А мест таких на Шешме великое множество. Неширокая речка вся состояла из загогулин. Она вилила между иногда обрывистыми, а больше невысокими, заросшими ивняком берегами.

Ехали, повторяя речные повороты, приглаживая подшипниками бархатисто – зелёную траву.

Вдруг Вовка услышал как сзади что-то глухо ухнуло и раздался шумный плеск. Оглянувшись, увидел, что ребята подкатывают к самому краю обрывистого берега.

-Витёк брякнулся вместе с самокатом! – завопил Васёк, радуясь неожиданному приключению.

Вовка и сам уже видел Витьку, который размашисто плыл к противоположному пологому берегу. Три-четыре гребка и вот он поднялся из воды – глубина... по колено, а сзади укоризненно торчит деревяшка самокатного руля. Глубины и в самом деле было не выше пояса, но пролетев около четырёх метров, Витька со страху ударился спасаться вплавь и остановился только, когда заскреб руками по песчаному дну.

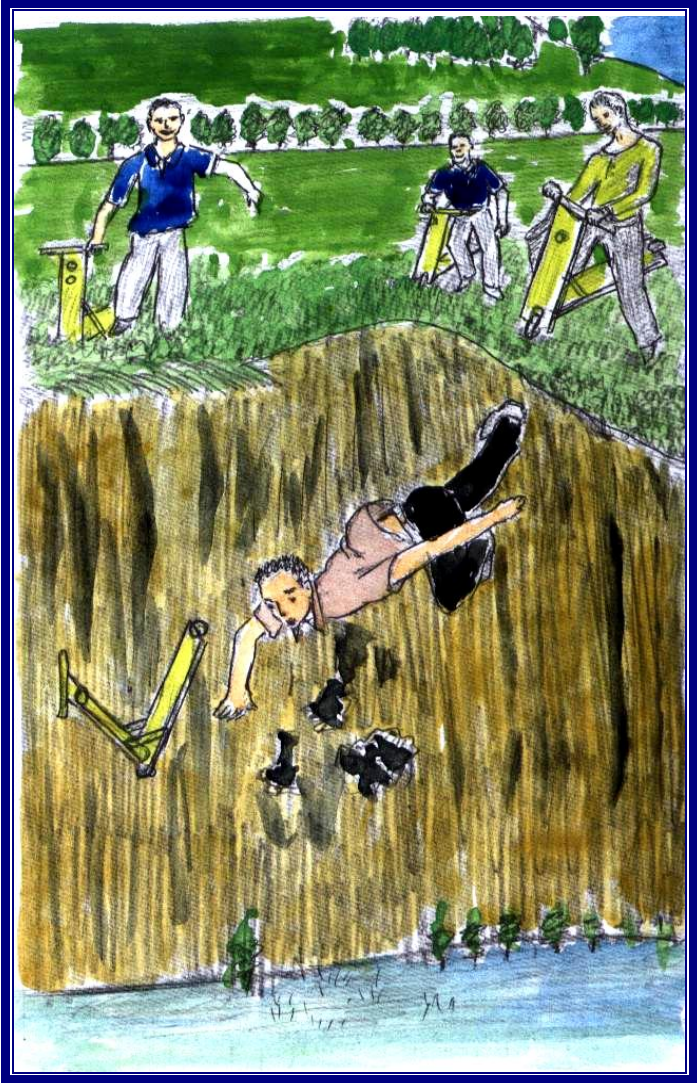
-Я хотел проехать ближе к обрыву – он и оборвался! – весело рассказывал Витёк. – Опомниться не успел, как в воде оказался...

-А чего это ты так громко плыл? – съехидничал Васёк. – Размахался, как на ту сторону пруда...

-Думал глубоко. А ты бы не испугался?.. Тут всякий поплывёт...

Витька с Серёгой выкрутили рубашку и штаны, Шурка достал самокат. Возле них юлой суетился Барсик, которого Витькин полёт потряс больше всех пацанов вместе взятых. Он чуть было не прыгнул вслед, но огромная для щенка высота всё-таки удержала его...

Едва успел отряд отъехать от весёлого обрыва, как вдруг перед ними открылась небольшая, высланная тёмно-зелёной травой поляна. С одной стороны поляну подковой обнимала речка, а с другой она круто переходила в высокий холм. Тем самым поляна была наглухо изолирована от всяких непрошенных гостей. Ребята и сами могли проскочить мимо, если бы не Витькино шумное приключение кувырком и вплавь.

Себя ребята на природе непрошеными гостями не считали и форсировали речку вброд, перетащив и своих деревянных коней.

-Давайте меньше орать... расходишь кто куда, каждый себе место для рыбалки ищет сам, - негромко проговорил Вовка, когда ребята чуть обвыклись на поляне.

Срезав подлиннее ивовые прутья, рыбаки начали мастерить удочки. Нешумно переговариваясь, обменивались крючками, грузилами, поплавками. Наживку – обыкновенных дождевых червей копали тут же, в тугом тёмном иле.

Вовка, да и другие пацаны уже не раз бывали на рыбалках, знали, что рыба клюёт где глубже и тише... и поэтому он пристроился на большой коряге возле маленького, уютного омучочка, перейдя снова вброд бормочущую на перекате речку.

Конечно же, все мечтали о голавлях, которые по рыбацким байкам попадались с руку величиной, но и пескари считались хорошей добычей. С них и начал счёт Вовка. Изредка на крючке топорщились ерши, самых маленьких из которых Вовка выпускал обратно.

Особенно много в прогретой и чистой воде возле берега серебрилось мелкой рыбёшки, которую пацаны называли синтёпкой. Она тучей атаковала наживку, когда крючок медленно прибывался течением к берегу. Но синтёпка промысловой рыбой не считалась, и случайно зацепившаяся тоже отпускала с миром, чтобы тут же снова нападать на несоразмерную с её ростом наживку.

-Сколько времени? – громким шёпотом спросил Вовка у Альки, примостившегося у соседней коряги.

Алька достал из планшета компас и быстро сориентировался по нему и воткнутой в песок веточке.

-Скоро одиннадцать.... совсем жарко становится, - глянул он в сторону солнца.

-А мне две хороших краснопёрки попались, – не мог не похвалиться Вовка.

-Да... а это что? – поднял Алька кулан, на котором вместе с пескарями висели целых пять штук краснопёрок величиной с ладонь.

-Зато у меня ершей больше, а из них самый навар, - не сдался всё-таки Вовка.

-Клевать совсем перестало... и насчёт поесть надо подумать...

Алька аккуратно смотал удочку.

-Другие пацаны, наверное, тоже чего-нибудь поймали – так что на уху хватит, - согласился с ним Вовка. – Пошли, там уже вроде бы собираются.

На поляне уже хозяйничал Васёк. Ему на рыбалке всегда не везло, и он первым стал сволакивать к выбранному под лагерь месту большие и малые валежины, в изобилии усеявшие берега реки. Постепенно подошли остальные, наперебой и взахлёб обсуждая рыбацкие моменты. И почти у каждого клевала и сорвалась с крючка самая большая рыбаина...

-Вот, с локоть величиной! – показывали рыбаки друг другу

Еще с вечера команда была распределена на два звена, в которых каждому предназначалось: тебе взять соль, тебе лук, тебе перец. Картошку берут все и кто ещё что сможет. Скоро заплясали два небольших костерка - возле них управлялись по хозяйству ровно по четыре пацана.

Весь большой улов разделили на две равные части, в каждой из которых были и пескари, и ерши, и краснопёрки. А вот голавля так никто и не поймал.... Вовка и Васёк командовали каждый в своём звене, и все кашеварили: кто чистил рыбу, кто картошку. Но уху на обоих кострах одновременно варил Алька. Он умел это делать лучше всех, и научил его этому отец, который часто брал Альку с собой на взрослую рыбалку.

Ели прямо из котелков – не хватало ещё тарелки с собой таскать. Свежая уха из-под костра, сдобренная дружбой, прекрасным настроением и ощущением себя частью нетронутой природы – разве существует на свете что-нибудь лучшее?!..

Когда звон и лязг ложек затих, все вспомнили, что «после сытного обеда по закону ...». Расположив своих деревянных коней как опоры, ребята соорудили навесы из подходящих валежин и густо забросали их громадными лопухами, которые кучковались в одном их углов гостеприимной поляны. Из этих же лопухов настелили лежанки и вот уже готовы королевские будуары.

-Как твои раны? – спросил Вовка, когда Алька с Наганом влезли вслед за ним в уютный шалаш.

-Немножко нога болит, а рука уже почти прошла – надо размотать и посмотреть...

Алька потихоньку размотал куски майки. Листки подорожника были совсем сухими и пожелтевшими, а кровоточившие утром ссадины покрылись бурой коркой.

-Теперь обратно заматывать не надо – на воздухе быстрее всё засохнет и заживёт, - со знанием дела заявил Вовка, который сам всё лето не вылезал из ссадин и синяков.

Наган всё ещё чувствовал себя виноватым, и, отвернувшись, молчал, а скоро и вовсе заснул. Ранний подъём давал себя знать, да и сытое брюхо располагало, и скоро весь лагерь утух. Часовых не выставляли...

Выспавшись к вечернему клёву, пацаны по одному вылезали из зелёных шалашей, разбирали удочки и наживку, расходились по своим местам. Вовка тоже не стал испытывать судьбу и снова закинул удочку в тот же омуток. А потом снова была уха... Вечером кое-кто пытался ещё рыбачить до тех пор, пока просматривался поплавок, а кое-кто усовершенствовал шалаша, плотнее закрывая их лопухами с боков, тем самым готовясь к ночёвке.

Луна ещё засветло закружилась на небосклоне, но быстро стемнело. Вот заблистала первая звезда, потом ещё и ещё... И вот уже целые гроздья выступили на темнеющем небосводе. Сидя возле костров, ребята крутили головами по небу, отыскивая знакомые созвездия, из которых самой своей и известной всем была Большая Медведица...

Пламя костров всё-таки сильно перебивало небесный свет, и когда Вовка придумал отойти от них чуть подальше в темноту, то аж дух захватило – сколько звезд!..

«Небо почти полностью засыпано яркими звёздами... почему же тогда темно на поляне? - удивлялся Вовка. – Днём только одно солнце, да и то иногда тучами прикрыто и всё равно светлым-светло, а тут...»

Изредка чертила по небу падающая звезда. Пролетев несколько мгновений, она ярко вспыхивала и навсегда пропадала в неведомых глубинах. Вовке даже захотелось, чтобы падающих звёзд было побольше, но остальные звёзды на небе сидели прочно.

Вовка заметил, что некоторые ребята тоже отошли от костров и по его примеру также разбрелись по разным углам поляны. Около костров остались подбрасывать сучья и ворошить пекшуюся картошку только самые непробиваемые и далёкие от космической романтики пацаны.

А Вовка долго ещё стоял, закинув голову далеко за плечи. Он явно чувствовал, что от поляны, а вместе с ней и от него до самой яркой и далёкой звезды протянута тонкая и невидимая, но очень прочная и тугая нить. Не только он, но и другие ребята понимали, что стоит только сдуру бухнуть ко-

рягой по воде или заорать почём зря, тогда нить.... Нет, она не лопнет, не порвётся – она просто исчезнет в густой ночи...

-Да... неужели правда, что каждая звезда – это как наше Солнце? А вокруг каждой крутятся планеты, как наша Земля. Может, там сейчас тоже пацаны на рыбалке и тоже смотрят на небо и видят наше Солнце, - тихо возмечтал Вовка, когда до него дошло, наконец, что рядом, тоже задрав головы, давно стоят Алька и Шурка Иванчин.

-Когда уже люди ракеты придумают, чтобы на другие планеты летать? - задумался, как обычно, Алька.

-Возьми да и придумай сам... у тебя ведь уже в книжке настоящий приёмник играет...

-При чём тут приёмник...

-А спутники-то уже летают! – пытается утешить Альку Шурка. – По радио вон говорят, что скоро и человек в космос полетит...

-Спутники летают на высоте только двести километров - какой это космос?.. - отшил Шурку с его спутниками Вовка. - Отсюда до Казани и то дальше. Тоже мне - космос....

Вернувшись к костру, ребята ещё долго говорили про всякие разности, мечтали вслух...

-Как вахту стоять будем? – оглядел, наконец, Вовка старших пацанов.

Пацаны помоложе, в том числе и Наган, давно уже забрались в шалаши и возились там между собой, а некоторые, может, и спали.

-Я всё равно спать не хочу, - первым откликнулся Алька, - я днём хорошо выспался.

-Ладно... тогда ты начинай, дров должно хватить до самого утра. Как захочешь спать, разбуди Витьку...

Барсик решительно отказался лезть в шалаш вместе с братьями, чем ещё раз подтвердил своё предназначение сторожевого пса в будущем. Он остался с Алькой, но предусмотрительно прилёг чуть подалее от костра.

Когда все расползлись на ночлег, Вовка долго ещё слушал ночной шум. Рядом какие-то букашки строчили будто на маленьких швейных машинках - и чего только видят в темноте?.. Но главные ночные серенады возле воды задают лягушки - от речки уже давно доносилось разлихватое кваканье. Сначала квакали неподалёку – совсем возле лагеря, потом рядом затихало, подхватывала лягушачья стайка чуть подалее, потом ещё дальше.... Но вот и снова рядом... посте-

пенно и лягушки уморились – кваканье становилось всё реже и слабее.... Иногда где-то глухо ухали то ли совы, то ли филины...

...На утренний клёв Витька разбудил рыбаков едва только проступила первая розовая полоска над далёкими задумчивыми холмами. Кое-кто из пацанов подскочили сами, ёжились от утреннего холодка и, подкинув в огонь сучьев, грелись возле костров.

Конечно же, ребята приехали на рыбалку совсем не потому, чтобы непременно наловить как можно больше рыбы. Главное – Природа... общение с ней и между собой...

После утреннего клёва единогласно решили продолжить поход до пещер, там же сварить уху, а пока перекусили, вывалив из торбасков крутые яйца, копчёное сало, огородную зелень. Быстро собрались, проверили самокаты, подмазали, где положено, прибрали место стоянки и снова в путь.

Перетавив тем же путём, что и вчера свою конницу через реку, оглянулись на гостеприимную, добрую полянку, на которой остались два чуть заметных пятнышка от костерков и кучка поблёкших лопухов.

-Запомним это место – ещё не раз сюда приедем...

Пещера

После Глазова дорога всё время шла в гору. Сразу направились к четырём берёзам, когда-то охранявшим чей-то покой, который так и не стал вечным. Задыхаясь, тащили ставшие обузой самокаты. Наконец, добрались до развалин каменных стен с остатками тоже каменной сводчатой кровли.

-И зачем надо было разваливать? Клад что ли среди покойников искали...

-Камень для строек растащили – вот и всё...

-А куда же гробы делись – тут же не один гроб стоял?..

-Может, за границу увезли и там похоронили – они же буржуи были...

Развалины почти сровнялись с луговой поверхностью, корни берёз траурной бахромой свисали до больших каменных плит, уложенных на полу. На плитах громоздились кучи земли, битого камня и другого разного мусора. Ребята, стоя под берёзами, смотрели вниз и тихо переговаривались...

А Вовке снова вспомнились рассказы из учебника литературы о барчуках с гувернантками, о злых помещиках, о добрых дворовых людях и бедных крестьянских детях...

Васёк, который единственный из всех захватил с собой небольшую детскую лопатку для игры в песочек, спрыгнул с ней вниз и долго внимательно изучал каменные стены и плиты на полу.

-Тут и правда давно всё перевернули. Нет здесь никакого клада, а, может, и не было, - наконец, пробурчал он, выбираясь наверх к печально поникшим берёзам. – В пещере покопаю

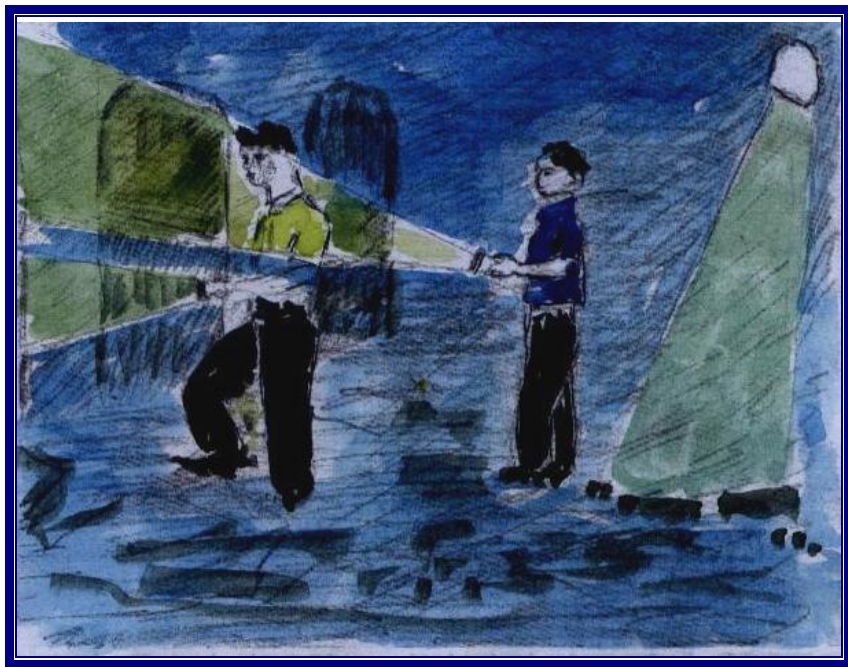

От склепа оставалось недалеко и до пещеры, вход в которую нырял в склон крутого, поросшего мелким редколесьем холма. Всем хотелось в пещеру, но кому-то надо было оставаться наверху охранять эскадронное имущество, разжигать костёр, заниматься по хозяйству. Чтобы было всё по-честному, кинули жребий, который тянули все. Дежурить выпало Шурке Иванчину и Нагану. Вздохнув, они сразу принялись за дело.

...Вытянув далеко вперёд руку, вооружённую трёхбатарейным фонарём, Вовка первым проскользнул в узкий тре-

угольный лаз, из которого слегка тянуло сухой подземной прохладой. За ним Васёк, держа также в одной руке фонарь в другой свою лопатку...

Постепенно все собрались в широком подземелье, распадающемся на два противоположных коридора. Венедиктов старший заташил таки и Барсика, который упирался изо всех сил, а теперь стоял, всем телом прижавшись к ногам хозяина. Витёк поглаживал его и бормотал ласковые успокоительные слова.

Ребята шарили длинными лучами фонарей по стенам и своду пещёры, откуда местами пробивались длинными нитями корни каких-то трав или деревьев. Кое-где корни висели так густо, что напоминали белые бороды аксакалов. Со всех сторон таинственная тишина...

-Давай сначала проверим правый коридор, а потом посмотрим и левый, - предложил Вовка озирающимся пацанам.

-Может, на две группы разделимся – быстрее всё пройдем, - быстро придумал рационалист Алька.

-Нет... хотим всё пройти... сколько успеем, столько и пройдем, но все вместе! – зашумели пацаны в темноте, изрезанной лучами многобатарейных фонарей.

-А ты не забудь, как договорились, рисовать план пещеры с нанесением размеров, хотя бы приблизительных, - напомнил Вовка Альке, в планшете которого были припасены бумага и карандаш с линейкой и даже угольник с циркулем.

Но правый коридор оказался всего-то пару десятков метров длиной. Закончился он небольшим, уютным гротиком, в котором свободно разместились все.

-Здесь какой-то ход! – вдруг громко выдохнул Серёга Венедиктов, направив луч за глыбу песчаника в дальнем углу.

-Кто ползет? – спросил Вовка, но, не дожидаясь ответа, сам полез в узкую щель, где почти сразу же ему пришлось перейти в лежачее положение и таким образом он смог проползти ещё около десятка метров. Но скоро стало невозможно даже ползти и он с большим трудом, работая всем телом, как червяк, вернулся.

После него все ребята пробовали пролезть дальше, но даже Фёдка Тимохин – самый узенький из всех не смог добраться до конца норы, которая уходила куда-то вниз...

-Вовк, а если бы это волчья нора была, да ещё с хозяином внутри? – откуда-то нашёл Васёк заковыристый вопрос.

На такой вопрос у Вовки аж мороз по коже сверху до низу...

-Тогда возле входа бараньи кости лежали бы, - всё-таки не задержался он с ответом.

...Вернулись к выходу и перешли в левый коридор. Он тоже, как и правый, был явно искусственного происхождения. Коридор в обе стороны распадался на небольшие, прямоугольной формы комнаты, стены оставили на себе следы какого-то инструмента.

-Киркой, наверное, выбивали, - заключил Алька, - песок-то совсем закаменелый.

-Говорят, что здесь ещё пугачёвцы медь добывали для своих пушек, - добавил Вовка. – И вход здесь был такой, что на тройке с лошадьми можно было запросто заехать...

-Медь – это что... а вот куда он свои клады попрятал?... Сколько он помещиков переказнил и других богатеев, а драгоценности ихние где-то зарыл! – округлив в азарте глаза, подхватил Васёк, который постоянно отставал от всех, ковыряя своей лопаткой подозрительные, как ему казалось, места. – А вдруг он и здесь что-нибудь оставил...

-Да ну... если что и было здесь, то за двести лет давно уже кто-нибудь раскопал... может, и сами пугачёвцы, кто жив остался, - попытался унять кладоискателя Алька, держа в рабочем положении планшет.

На него он уже нанес карандашом весь план пещеры со всеми «комнатами», которых он насчитал целых сорок штук. «Комнаты» эти чем-то смахивали на монашеские кельи, которых, правда, никто из ребят и в глаза не видел. Когда последняя комната с её размерами была обозначена на плане, пацаны пошли к выходу.

-А вожатые из лагеря болтали пионерам во время экскурсии, что пещеры эти выходят аж где-то возле Бугульмы, - рассказывал ребятам Вовка. - Они, наверное, сами сюда ни разу не спустились - вот и болтают...

-Конечно, болтают. Видно же, что вручную её выдолбили... попробуй-ка продолби тридцать с лишним километров, - согласился Васёк.

Он шагал рядом с Вовкой и продолжал высвечивать фонарём самые укромные уголки.

Вдруг Барсик, который давно уже осмелел и всю шнырял из комнаты в комнату, что-то заскреб в углу одной из них. Васёк сразу же устремился к Барсику с лопаткой наперевес. Спрессованный песок поддавался плохо, но ямка, от которой никак не отходил Барсик и упрямо норовил помочь кладоискателю, становилась всё глубже.

Скоро у Васьки в руках оказалась маленькая костяшка, похожая на те, что служили для распространенной когда-то игры в бабки.

-Возьму на память, - сунул Васёк добычу в карман. - Может она с тех самых пор тут лежит.

...Барсик первым выскочил на белый свет, за ним, жмурясь от яркого солнца - как никак больше трёх часов провели в подземелье - вылезли друг за другом остальные исследователи подземных глубин.

Вовка смотрел на траву, смотрел на кусты и деревья, зелень которых в свете ярких солнечных лучей ударила таким контрастом по глазам и сознанию, что Вовка надолго, если не на всю жизнь обрадовался тому, что люди живут не в тёмных пещерах, где нет не только травы и деревьев - там нет главного - нет неба и солнца...

«Конечно, и в пещеры иногда слазить неплохо для интереса, - тут же оправдал существование вместе с небом и

солнцем пещер Вовка. – Ведь это тоже нужно для разнообразия Природы...»

А наверху Шурка с Наганом уже давно разожгли костёр, начистили картошки. Возле костра стояли два котелка с водой из родничка, бывшего совсем рядом. Присоединившиеся к ним добровольцы быстро почистили и рассортировали на две кучки рыбу и скоро под присмотром всё того же Альки кипели оба котелка.

-А мы тоже хотим слазить в пещеру! – вдруг опомнились Шурка с Наганом, наслушавшись жутко интересного от ребят.

-И правда... лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, - согласились Вовка и другие пацаны.

Братья Венедиктовы вызвались по-быстрому провести дополнительную экскурсию, а с ними, уже сам по себе, привычно юркнул Барсик. Через полчаса четвёрка, отдуваясь, выбралась наверх. Никто в обиде не остался.

Тяжкий путь до дома

Набравшись сил из густой, почти кашеобразной ухи – бухнули весь утренний улов – потянулись в обратный путь.

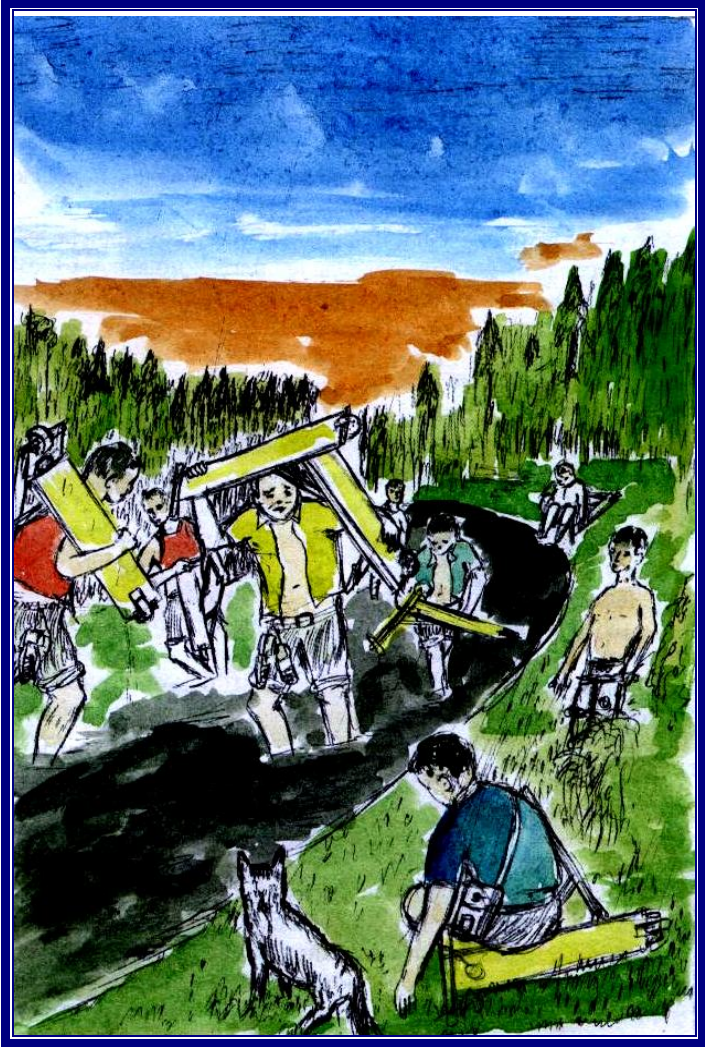
До Ивановки с той коварной горой, где вчера так геройски расшибся Алька, добрались без особых приключений. Их и так за два дня набралось предостаточно, даже на много дней вперёд. Но все с опаской поглядывали на небо, полови-ну которого затянуло тёмными тучами.

Тучи шли сади и постепенно настигали путешественников, из последних сил стремящихся уйти от дождя. Грязь на дороге – смерть для самоката!.. Забывшиеся сразу подшпники совсем не крутятся, чистить их бесполезно, самокаты не идут даже волоком. Их приходится тащить вверх колёсами, а то и вовсе взгромоздить на плечи и плестись, еле переставляя ноги.

Как ни торопились ребята, от дождя и грозы уйти не удалось. Молча шли, поливаемые струями, отдыхая через каждые десять-пятнадцать минут черепашьего хода.

-Давай оставим самокаты, а завтра, когда подсохнет, за ними вернёмся, - задыхаясь, предлагали некоторые наездники наоборот, но большинство ребят не согласились бросить своих коней в трудный час.

А наверху, казалось, разом прохудились все небесные вesi. Так ровно и твёрдо укатанные ещё вчера дорожные

колеи превратились в грязные ручьи, во многих местах крутились лужи, глубина в которых доходила до колен.

Все сбросили набрякшую обувку, прикрутили её к поясам, закатали как можно выше штаны... откуда-то сбоку и сверху били молнии... Они прошивали дождевую завесу, вихляясь и кривляясь своими зигзагами, а потом и гром.... Иногда гром лупил длинной пушечной канонадой, которая заканчивалась оглушительным ударом по барабанным перепонкам...

Конечно, можно было отсидеться в каком-нибудь ельничке, которые то и дело проступали сквозь березняки и осинники с обеих сторон дороги, но будто чёрт залил пацанов необъяснимой злостью. Они словно бросили вызов разъярённой стихии...

Иногда ребята сходили с дороги и пробовали идти лесом. По траве и впрямь идти было легче - хоть ноги меньше разъезжались, но мелкий и густой подлесок царапался, цеплялся за самокаты, хватался за штаны и без того уморившихся пацанов. Приходилось возвращаться и вновь тащиться по дорожной грязи.

Особенно тяжело изнывали от усталости Наган и Федька Тимохин. Они и вовсе далеко отстали. Алька и Шурка поставили свои самокаты и вернулись за ними, пока остальные отдыхали. Потом младшим помогали то братья Венедиктовы, то Вовка с Васькой.

-Говорили ведь вам, что такой поход – это не прогулка по лесопарку, - воспитывал Васёк молодое пополнение. – В другой раз будете знать, как напрашиваться...

Один только Барсик, повеселевший после дождя, который резко кончился, успев всё-таки окончательно разместить колеи, мотался между заплетающимися ногами своих друзей. Он никак не мог взять в толк: «Отчего это так тихо движутся пацаны – ведь вчера он едва поспевал за кавалькадой деревянной кавалерии?..»

После дождя солнце, будто бы опомнившись, резко выскочило из-за тучи. Облака, быстро сбросив густую черноту, плавно закружились на небосводе, словно извиняясь перед понурыми и всё также злыми пацанами. От дороги повалил пар, от ребячьих штанов и рубашек тоже, но самокаты так и пришлось тащить до самого асфальта, возле которого сделали большой привал.

-Ну, как путешествие?.. Как настроение? – спросил, еле переводя дух Вовка, опрокинувшись рядом с самокатом.

-Да уж... больше в жизни на самокате с асфальта не съеду, - также с переборами в голосе выдавил Шурка. – Никогда ещё так не уставал, даже когда картошку копал...

-А вот бы сейчас снова оказаться на Ивановской горе или лучше под ней, - нашёл в себе силы пошутить Алька. – Я бы тогда лучше в пещеру вернулся и стал там жить...

К сидящим на самокатах вповалку ребятам подковылял Васёк:

-А что... выбирай любую комнату... можно даже один день в одной жить, потом в другой.... Родник с водой рядом, дров навалом, речка тоже недалеко. Знай себе, рыбачь, да уху наяривай...

-Да... особенно ты нарыбачишь, - нехотя огрызнулся Шурка, намекая на всегдашнее Васькино невезение на рыбалке.

-Ладно... ещё чуть-чуть и мы дома, - тяжело поднялся Вовка на чуть подогнувшиеся ноги. – Самое трудное давно позади...

В придорожной луже вымыли самокаты, особенно тщательно прополоскали подшипники, натолкали в них свежего солидола и поднялись на блестящий после дождя асфальт.

-Не могу на самокате стоять, - простонал Васёк, попытавшийся было толкнуться пару раз по асфальту, но его явно плохо держали ноги.

У других ребят тоже не получилось ничего хорошего. Слабыми ещё ногами пошли пешком, катя ставшие послушными самокаты рядом. Постепенно идти становилось всё легче, тем более под небольшой, но всё-таки уклон. Вот один покатил, вот другой... скоро и большой, длинный спуск, по которому деревянные кони весело помчали своих седоков, словно в благодарность за то, что они не бросили их в холодном, мокром лесу.

Под спуском Барсик, почувявший близкий дом, кинулся вперёд без дороги к оврагу и к своей конуре, а приободрившиеся ребята продолжали катить по шоссе.

Свежевымытая дождём улица Донская встретила своих друзей радостно блестящими лужами на асфальте и многими солнцами, бившими изо всех окон. Сразу забылся утомительный, дождливый переход по раскисшей дороге, всё вокруг стало празднично - весёлым...

По лужам галопом и рысью скакала голопузая малышня. С громким визгом они брызгали тёплую воду друг на дру-

га, барахтались в мокрой газонной траве. Заслышав гремящие подшипники, бросились навстречу эскадрону. Шуркин братишка Колян сразу завопил:

-Мамка дома забоялась, что вас громом убило, а папка на самосвале за вами уехал!..

-А как же он тогда с нами не встретился? – удивились пацаны. – Ведь туда одна дорога... может, он мимо нас проскочил, когда мы по лесу шли...

Но Шурка сразу испарился в сторону дома на Овражной, а Вовка передал самокатный руль своему братишке Толяну, который лихо покатил вниз по Донской.

Но не скоро ещё ребята разошлись от высокого крыльца, где к деревянным ступеням, словно к коновязи были приклонены боевые друзья-самокаты. Каждый вновь и вновь представлял себе то кивающий поплавок, то блики костра под ночным звёздным небом, то мрачные стены и гроты тихого подземелья....

Заливаясь хохотом, вспоминали и весёлые моменты – особенно Витькин полёт с высокого речного обрыва и его марш-бросок вплавь через речку Шешму...

Но дома всех ждали, и расходиться пришлось...

Генка Панин Паук

Старшего брата Вовка помнил давно, ещё с той давней поры, когда тот учился в начальной школе небольшой железнодорожной станции, затерянной в глухомани Самарской области.

В чистой детской памяти навсегда засело, как Генка делал уроки на огромном крестьянском сундуке. На сундуке он и спал, и ел, и вообще проводил на нём и возле него большую часть своей мальчишеской жизни.

Как-то Генка неосторожно повернулся и, конечно же, залил чернилами пару листов драгоценных тогда тетрадей. Самое главное, что листы в них в косую линейку, как того требовало чистописание, расчертил отец простым карандашом и за погубленные два листа Генка получил звонкую затрещину от матери и отстоял целый час в углу за тем же самым сундуком.

Вовка из солидарности тоже стоял рядом с братом, толком не понимая сути такого совсем не страшного наказания.

В голопузом, ещё почти бессознательном детстве, Вовка больше всего любил копаться в Генкиных учебниках, которые тот никак не мог от него спрятать куда-нибудь подальше. Но, заметив, что маленький Вовка обращается с книжками осторожно и вполне аккуратно, он стал разрешать ему перелистывать страницы.

Почти все учебники были с картинками и представляли огромный интерес, особенно во время зимней стужи, когда вечера были бесконечно длинными, а прогретый высокой и широкой печью дом освещался керосиновой лампой да свечами, если надо было посветлее.

В один из таких вечеров Генка расположился со своими книжками и тетрадками, а Вовка тут как тут – пристроился рядом. Генка осторожно придвинул поближе к себе керо-

синовую лампу (мать возле печи управлялась при свече) и начал что-то бубнить из своих уроков, а Вовка, благоговейно поглядывая на брата, тихонько листал какой-то учебник с картинками.

Вдруг перед Вовкой, перед самым его носом возникло нечто ужасное. Это нечто имело множество волосатых ног с крючьями на концах, тело, похожее на уродливую картофелину, которое тоже щетинилось волосами, вместо головы зияла страшная зубастая и клыкастая пасть...

В припадке жуткого страха и омерзения Вовка молча брякнулся с сундука, и тут же на четвереньках заскрёбся к матери и уже возле неё дал волю голосу...

-Ты что это, ламзур, делаешь?! – закричала мать на Генку, ещё не зная в чём дело.

-Уроки делаю... откуда я знаю – с чего это он орать взялся...

Мать подошла поближе к Генке, но ничего подозрительного ни на сундуке, ни возле него не обнаружила.

-Чего же ты и правда раскричался? – повернулась мать к Вовке, который уже замолк, но то и дело лязгал зубами.

-Там... там... - квакал отвисшей челюстью Вовка. – Там паук с зубами и большущий, как... как сковорода...

Мать озадаченно поглядывала то на Вовку, то на Генку с его сундуком. А тот, стиснув зубы, уставился в один из тёмных углов.

-Померещилось что ли?.. Может тебе спать постелить?..

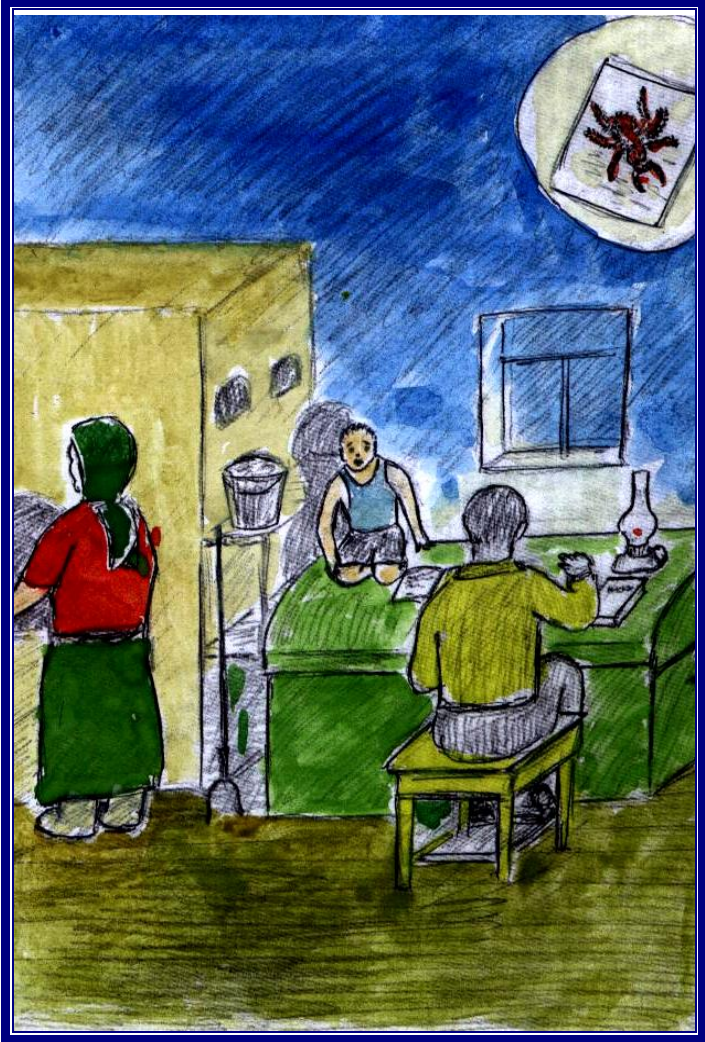
-Правильно... тебе что-то померещилось. Иди сюда, - позвал Генка, едва пришедшего в себя братишку.

-Ну?.. Где паук?.. Вот, смотри, - Генка взял лампу и полез с ней под лавку. – Ну, где ты там?.. Иди смелее...

Мать внимательно следила за братьями, пока они постепенно и вместе не пролезли все потаённые места небольшой избёнки...

Паука в тот вечер так и не нашли, но несколько ночей подряд Вовке снилась та ужасная тварь. Он просыпался на своей лавке, которую застлали для него, и на ночь приставляли к сундуку. Рядом безмятежно спал Генка и, словно набравшись у старшего брата спокойствия, Вовка скоро засыпал снова.

Секрет паука раскрылся в один из солнечных погожих зимних деньков. Свет из небольшого оконца ярко заливал Генку, сидевшего с книжкой на своём обычном месте.

-Иди-ка сюда, - позвал он Вовку, который тянул молоко из алюминиевой кружки. – Покажу кое-чего...

Вовка не заставил себя ждать, и с ногами забрался на сундук.

-Только ты больше не бойся и матери ничего про это не говори...

Вовка светлым днём никого и ничего не боялся, тем более что Генка весело улыбался и не предвещал чего-то страшного.

-Смотри...

Генка положил на сундук какие-то листки и стал медленно сдвигать верхний... Вовка напряжённо наблюдал. Постепенно из-под верхнего листа стало выползать что-то похожее на красно-сине-коричневую кляксу.

-Тут тот самый паук, которого ты испугался в тот раз... Он не живой, он нарисованный и поэтому совсем не кусается...

Генка сбросил верхний листок, но Вовка, отшатнувшись, все-таки усидел на сундуке. Паук, хоть и нарисованный, даже при дневном свете был страшно злой и нахальный. Оказывается, Генка этим пауком, которого нарисовал собственноручно, уже перепугал всех своих одноклассников, а потом очередь дошла и до маленького Вовки...

Подложил он его в книжку, когда тот оглянулся то ли на бой часов, то ли на мамкин звяк возле печи.

-Если хочешь, можешь себе взять. Вдруг напугать кого-нибудь вздумаешь...

Вовке пугать было некого, да и лет-то ему было неполных четыре. Так что на этом история с пауком была закончена, но не забыта...

Охота

С той поры прошло много лет. Генка за это время окончил школу в Зеленогорске и стал работать учеником электрика на одном из нефтепромыслов. Едва ли не с первой полочки он тут же купил себе охотничье ружьё – настоящую «ижевку» шестнадцатого калибра, к нему множество всяких причиндалов – от гильз и капсюлей до пороха и огромного патронташа.

Нефтяники работают не на улицах в поселке и даже не на его окраинах - их рабочие места раскиданы на десятки километров по полям и лесам во все стороны от посёлка. Генка

уже не раз закидывал ружьё за спину, уходя рано утром на работу, а однажды он взял с собой Вовку и Альку.

Ранний утренний подъём прогремел из будильника пушечным залпом, но Вовка и без того уже проснулся в предвкушении новых впечатлений. Он быстро подскочил с кровати и собрался куда раньше Генки, который долго плескался из многосемейного рукомойника, а потом не спеша и обстоятельно напяливал свою зимнюю многослойную рабочую спецовку...

Отец тоже всегда уходил в одно время с Генкой, но работал он на другом участке и в другом управлении. Сегодня всё мужское поголовье Паниных, кроме младшего Толяна, вышло вместе.

Вовка, как застоялый жеребёнок, загремел своими лыжами и запрыгал в сторону рабочего автовокзала, когда они с отцом и братом, наконец, вышли на улицу в полной боевой. На улице, в одном направлении с Паниными, по двое и по трое степенно, но в то же время без промедления двигались нефтяники...

Алькин дом рядом с пожаркой был как раз по пути и Вовка свистнул его возле калитки. Тот, наверное, ждал сразу за дверью, и тут же возник, выставив вперёд лыжи.

На автовокзале отец уехал на своём вахтовом автобусе, а ребята с Генкой забрались в другой. За промозглыми оконцами раннего автобуса едва просматривались серые поляны, которые сменялись чёрными стенами деревьев. Изредка шумно проскакивала встречная техника. Медленно, с натугой, поднялись по длинной извилистой дороге, вдоль которой сплошной стеной стоял по ночному дремучий и даже немного страшный лес.

Наконец, подъехали и развернулись возле какого-то сооружения, составленного из множества больших и маленьких баков, опутанных трубами с бесчисленным количеством всяких запорных кранов. Здесь же находилась небольшая котельная, в пристрое которой и располагалась рабочая бытовка электриков.

Генка вместе с другими рабочими ушёл на пятиминутку, а ребята разлеглись на скамейках в дежурке.

-Генка говорит, что здесь зайцев часто видят и тетеревов, – продолжил Вовка разговор, начатый ещё в автобусе. – Правда, сам он только следы видел, но зато совсем свежие.

-А как свежий след отличить от старого?.. Его что – как гончая собака нюхать надо?..

-Может и нюхать придётся, но, если след свежий, то он чёткий и на нём нет снега.

-Так снега уже три дня не выпадало, – упорствовал Алька лишь бы поддержать разговор.

В лёгкой перебранке прошёл почти час до того момента, как электрики ввалились с гамом и топотом в свою каморку. Ребята дружно подскочили, уступив место за столом старшим.

-Мы тут в котельной один щит будем ремонтировать, - поделился Генка бригадными планами, - а вы до обеда можете походить, только недалеко. Возьмите по пять патронов...

Он расстегнул полушубок и выставил патронташ, забитый полностью. Вовка помогал Генке снаряжать его, и теперь по меткам выбрал три патрона с мелкой дробью, два с крупной и один с жаканом*.

-Это на случай волка...

Вовка, конечно, не раз и не два уже стрелял из Генкиного ружья. Иногда ему удавалось делать хорошие выстрелы по чуркам или бутылкам, чем приводил в большое удивление своего брата.

-Из тебя будет толк...

-Из рогатки или лука со стрелами труднее будет попасть, и то бывало... - чуть похваливал себя Вовка.

...Нетронутый лес стоял прямо за прозрачной проволочно-сетчатой оградой. На открытой поляне лыжи глубоко тонули в пушистом снегу и никак не хотели ехать, но, войдя в лес, ребята сразу почувствовали лёгкость. Снег в лесу почему-то был более плотным, наверное, потому, что самый лёгкий снег всегда оседает на ветках. Особенно много снега висит на раскидистых сосновых лапах.

Зимний лес по сравнению с праздно-весёлым летним был суров и молчалив. Не было шумной трели разных козявок под ногами, не пересвистывались разновсякие птички с ветки на ветку, не шумела листва на макушках деревьев, которые стояли каждое само по себе и каждое, наверное, отрешённо думало о смысле жизни...

Только изредка где-то протрещит чёрно-белая сорока, да гортанно вскрикнет то ли галка, то ли ещё какая-то упрямая неперелётная птица. Вдруг с ближайшего дерева ни с того, ни с сего срывается большущая снежная шапка и освобо-

* Жакан – большая свинцовая пуля

дившиеся от тяжести ветки, качнувшись пару раз, снова замирают. Небо над лесом слабо-серого цвета, ни один лучик где-то висящего солнца сквозь этот цвет не пробивается...

Снегопада и в самом деле не было несколько дней, и за это время под деревьями разбросалась целая паутина следов, но следы были большей частью мелкие, ровной строчкой прошившие снег от дерева к дереву.

-И долго мы ещё так охотничать будем? – не выдержал, наконец, ватной тишины Алька. – Следы только мышьиные.

-Зайцев надо искать в осиннике... они же там кору зимой грызут, - отозвался Вовка, - а вон, смотри, и осинник проглядывается через просеку.

На просеке тоже было безветренно, но того спокойствия, того уюта, которые чувствовались даже в зимнем лесу, здесь не было. Посреди просеки деревянными солдатами тянулись невысокие столбы, на них висели ряды проводов. Снежная пустошь широкой прямой лентой переползала через подъёмы и окуналась в низины между холмами.

-И зачем только так много леса вырубил из-за какого-то провода? – задрав голову на верхушку столба, задумался Алька. – Неужели никакого другого способа нельзя было придумать?..

-Не просто срубили, а бульдозерами все деревья с корнями в кучи сгребли – видишь вон... наверное торопились быстрее построить.

-А провод-то этот идёт как раз туда, где Генка твой работает – там без электричества никак нельзя, вот только...

-Такие просеки делают к каждой скважине, а часто их даже не одна. Ведь туда нужно не только электричество, но и вода, ещё трубы прокладывают для нефти и газа и для каждой трубы просека вроде этой. А дорога до каждой насосной со скважинами чего стоит... так что чем больше скважин, тем больше просек и меньше леса! – закончил Вовка невесёлый разговор, ныряя в жиденькую стену бледнокожего, тонконового осинника.

В редкоствольном осиннике было почти также светло, как на просеке и ребята очень скоро увидели погрызы на деревьях, заячьи следы, горошины помёта, но самих зайцев встретить им в этом лесочке тоже так и не удалось.

Дальше снова и снова были хмурые, часто усыпанные жёлтыми иголками сосняки, берёзы вперемешку с клёнами и дубом. Приходилось пробираться по оврагам, заросшим гус-

тым кустарником, который хотя и безлистный - всё равно был трудно проползаем. Здесь иногда даже отстёгивали мягкие лыжные крепления и пробивались с лыжами наперевес, порой получая хлёсткие удары тонкими веткам по щекам.

Но следов разных было и правда много. Долго выбирали, спорили: какой след свежее, но ружьё было одно, поэтому кому-то приходилось соглашаться, и друзья азартно отмеряли одну за другой лыжные стометровки. Следы часто пересекались с другими такими же и снова следопыты думали в раскоряку:

«По какому же следу удариться?.. А если этот след самый недавний...»

Вдруг на пути возникла обледеневшая проталина с крупными катышками вокруг.

-Откуда это и что это такое? – почему-то сильно удивился и даже опешил Алька.

-Это лось... или просто лежал или ночевал, - изрёк Вовка, который уже кое-чего начитался из Генкиных книжек про охоту.

-Заячьих следов тьма, даже лося чуть не вспугнули, а живём так никого и не видели... - совсем загрустил немного подуставший Алька. – Сколько хоть времени?..

Вовка вытащил из глубоких штанов Генкины часы:

-Уже больше двух часов ходим... надо назад сворачивать. Но пойдём другой стороной, может всё-таки чего-нибудь встретим...

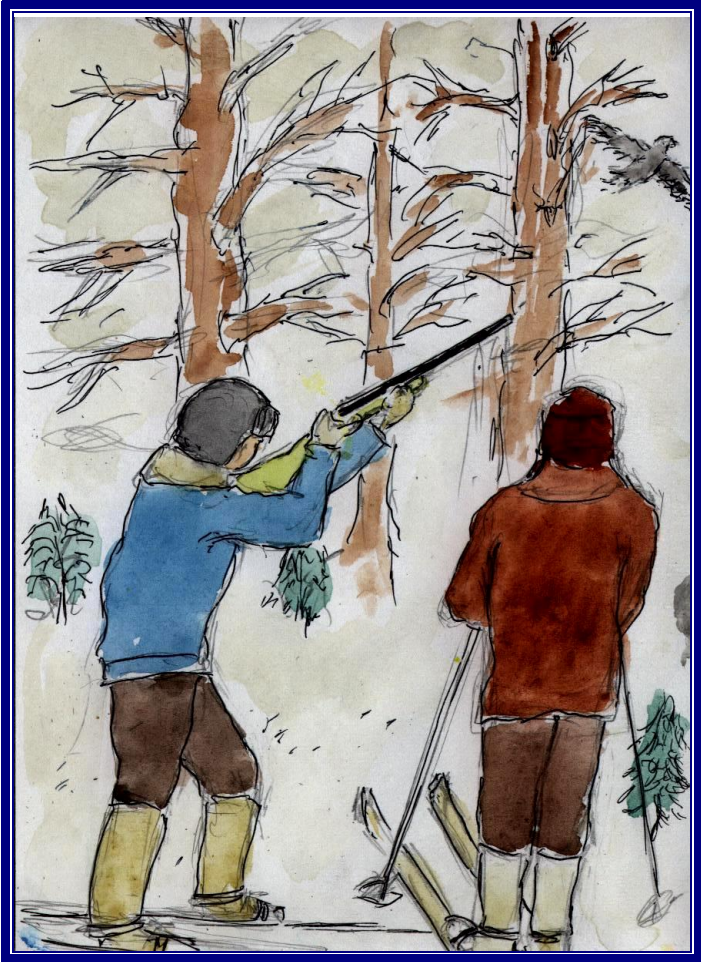
Очередь отстреливать зайцев и ещё что попадётся, была Вовкина, и ружьё он держал наизготовку. Алька вдруг зашипел сзади:

-Смотри... на дереве какая-то большая птица сидит – может глухарь...

Вовка замер и, скосив глаза, в самом деле, увидел большую тёмную птицу на фоне всё того же серого неба... Расстояние позволяло и Вовка, вскинув ружьё, прицелился. Вдруг в прорези прицела взмахнули крылья, птица тяжело оттолкнулась от ветки. Но Вовка знал про упреждение, и бабахнул... птица камнем упала под дерево.

-Ну, ты и дал!.. Какой же это глухарь?.. Это же коршун... Или ястреб! - подбежав к дичи, вскрикнул Вовка. – У глухаря раздвоенный хвост и клюв ровный, а у этого крючком, а хвост наоборот – ровный...

-Что же теперь с ним делать? – спросил Алька, когда спало первое возбуждение от меткого выстрела.

-Откуда я знаю... зря застрелили... коршуны – они ведь совсем невредные, а наоборот ловят мышей и сусликов в поле...

-Они и полезных птиц ловят и даже зайца могут разорвать на мелкие части. Видишь, у него когти больше наших пальцев, – уловил кровожадную натуру то ли коршуна, то ли ястреба Алька.

-А давай попробуем чучело сделать, как в музее... попросим Генку, может, он сумеет.

На том и порешили. Алька связал куском шпагата птицу поперёк – чтобы крылья не распадались, и прицепил её к поясу.

-Ты же с ружьём, а птица на поясе мешать будет стрелять, – пояснил Алька.

Вовка не против. И снова тихое скольжение по нетропутому снежному насту. Вдруг их путь пересёкся с другим лыжным следом. Поначалу ребята даже немного испугались и насторожились. Со стороны это, наверное, было очень похоже на то, как напугал Робинзон, завидев след Пятницы на своём острове. Да и то правда!.. Здесь ведь не лесопарк с его лыжными трассами в разные стороны, а настоящая глухомань и вдруг следы...

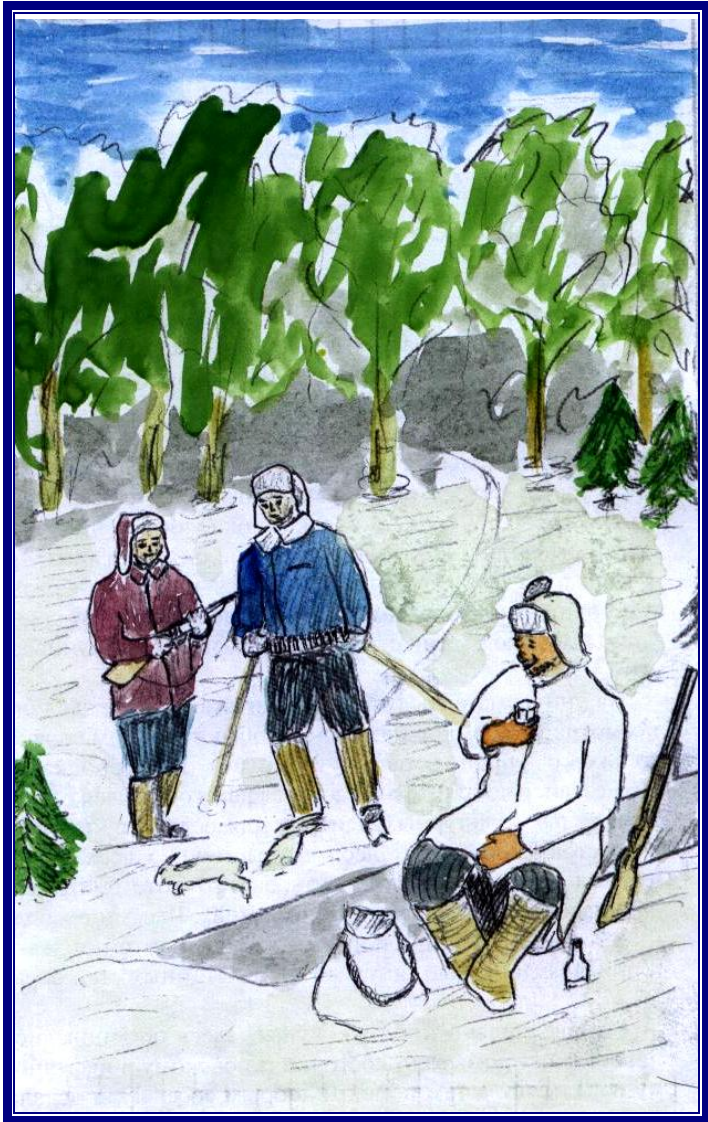
Сравнив со своими следами, сразу определили, что лыжня тоже совсем свежая, тем более это подтвердилось, когда где-то рядом, громом грохнул выстрел и сразу же за ним другой...

-Айда по лыжне!.. Посмотрим, что за стрелок там бабахает...

Через минут десять спешного хода ребята чуть не накнулись на другого охотника из-за того, что тот был наряжен в белый маскировочный халат с капюшоном. Охотник сидел на поваленном дереве спиной к подошедшим ребятам и что-то копошился со своим рюкзаком.

-Что, охотники? – повернулся к ним немолодой мужик с красным лицом и такими же красными большими руками из-под халата, которые из-за этого сразу обращали на себя внимание. – Подстрелили чего-нибудь, а то я слышал выстрел?..

-Да вот... он на ветке против света сидел – мы и подумали, что это тетерев, – почему-то стал оправдываться Вовка, глядя на двустволку, прислонённую к дереву. Стволы давно потеряли свой вороненый блеск, приклад весь истёрт, на

нём не осталось и следа от нарядного лака, который украшал Генкину одностволку.

-Бывает...- протянул мужик, опрокидывая тем временем стакан и закусывая салом. – Поначалу всё бывает...

-А можно из него чучело сделать, раз уж так получилось? - заинтересовался Алька. – Птица уж больно красивая – жалко просто выбросить...

-Почему нельзя.... при желании всё можно. Чучело даже из обычного человека можно сделать.... Про мумии египетские слыхали?..

-А с чего начинать, если делать?

-Мумию что ли? – продолжал ёрничать мужик, которому, наверное, хмель шибанул через шапку в голову.

-Да ладно... мы про коршуна говорим...

-Чучело, особенно птичье, дело куда как сложное. Тут специалист нужен....

Мужик снова согнулся и достал из снега бутылку зелёного стекла. Налил в стакан, крикнул, растирая и без того красный подбородок.

-А это видали?... – мужик привстал и ногой отодвинул свой тощий рюкзак, лежавший под стволом дерева.

Не сразу, но ребята заметили, что на снегу рядышком лежат два зайца... скорее даже не зайцы, а зайчишки. Они почти сливались с чистым снегом, выдавали только какие-то бурые пятнышки на тельцах («следы дробы» – догадался Вовка), да тёмные кончики ушей...

Ребята подошли поближе. Раньше они и представить не могли, что такое убитый заяц.... Да откуда такому случиться? И вот два совсем маленьких беленьких зайчишки лежат перед ними, отрешённо вытянув пушистые лапки вдоль тельца. Из глаз застыли дорожки слёз.... один зайчишка из полуопущенных век смотрел на Вовку и, казалось, неслышно спрашивал:

«За что же нас так?.. Ведь мы же ещё совсем маленькие...»

-Так ведь маленькие совсем... разве они больше не вырастают? - с дрожью в голосе, наконец, выдавил Вовка.

-Ничего... на пару килограмм потянут, - улыбался через мокрые губы мужик, на которого вдруг стало противно смотреть.

-Пошли, Алька, отсюда, - повернулся Вовка, - пусть катится со своими трофеями...

Долго шли молча, каждый по-своему переживая увиденное.

-Я никогда не буду убивать зайцев! – выпалил вдруг Вовка неизвестно в чей адрес. – И вообще никого убивать не буду...

-А на охоту ходить тоже не будешь?.. Зачем тогда ружьё купили?..

Вовка хмуро не отвечал.

-Давай я хоть разок стрельну по дереву, - остановился Алька, когда ребята прошли просеку.

-Конечно, стрельни...

Алька утешился, выстрелив два раза по трухлявой коряге. Вовка тоже бахнул ещё раз, чтобы всё было по-честному. Полюбовавшись на раздрызганную корягу, прибавили шагу и скоро вышли к сетчатому забору.

Ребята не стали заходить с ружьём в котельную, так как справедливо опасались приколов разного калибра и остроты со стороны Генкиных товарищей по работе. Они прошлись раз и другой по территории, полюбовались на огромные сооружения, в которых пока ничего не понимали.

Генка первым увидел их из какого-то окна, выскочил навстречу.

-Ну, что... видели кого-нибудь...

-Нет.... одного бабая только...

И Вовка перебивая сам себя, заикаясь и глотая слова, рассказал брату про «удачливого охотника» с двумя несчастными убитыми им зайчишками...

-Я никогда не буду стрелять ни зайцев, ни тетеревов, ни уток и... никого не буду...

-А как же? – ткнул Генка в птицу, которая так и висела на поясе у Альки.

Пришлось рассказать...

А Генка в этот день так и не сходил на охоту. Ремонт у электриков затянулся, да и день был субботный и поэтому короткий. Но до прихода автобуса ребята, в том числе и Генка, успели расстрелять весь патронташ по консервным банкам и бутылкам. Пожалели только несколько патронов, снаряженных жаканами.

Вовка и здесь был в ударе. Он всаживал патрон за патроном, словно именно в патронах видел то зло, которое

приводит к убийству таких чудесных и беззащитных зверушек, с чем он впервые столкнулся сегодня.

В автобусе работяги ехидно расспрашивали охотников про удачу, но Альке с Вовкой говорить было не о чем. О том, что они никогда и нигде зверей и птиц больше убивать не будут – повторяться не хотелось.

Дома мать тоже посмеивалась:

-А я горшки и чугунки приготовила зайчатину да тетеревятину тушить...

Вскоре Генка ушел в армию. Вовка с пацанами ещё много раз ходили с ружьём по лесам, но никаких птиц, зверят и зверюшек они не стреляли...

И чучела из красивой птицы у Вовки с Алькой сделать так и не получилось...